

январь – март 2015

№ 1 89

мирт

ДУМАТЬ И ВЕРИТЬ

«Когда патриотизм становится бесом,
он плодит и множит зло»

Клайв С. Льюис

Бес патриотизма

Возьмем теперь любовь к своей стране. Здесь и не нужно растолковывать фразу Ружмона: кто не знает в наш век, что любовь эта становится бесом, когда становится богом! Многие склонны думать, что она только бесом и бывает. Но тогда придется зачеркнуть по меньшей мере половину высокой поэзии и великих деяний. Плач Христа о Иерусалиме звенит любовью к своей стране.

Очертим поле действия. Мы не будем вдаваться здесь в тонкости международного права. Когда патриотизм становится бесом, он, естественно, плодит и множит зло. Ученые люди скажут нам, что всякое столкновение наций безнравственно. Этим мы заниматься не будем.

Мы просто рассмотрим само чувство и попытаемся разграничить невинную его форму и бесовскую. Ведь, строго говоря, ни одна из них не воздействует прямо на международные дела. Делами этими правят не подданные, а правители. Я пишу для подданных, а им бесовский патриотизм поможет поступать плохо, здоровый патриотизм – помешает. Когда люди дурны, пропаганде легко раздуть бесовские страсти; когда добры и нормальны, они могут воспротивиться. Вот почему нам надо знать, правильно ли мы любим свою страну.

Амбивалентность патриотизма доказывается хотя бы тем, что его воспевали и Честертон, и Киплинг. Если бы он был единым, такие разные люди не могли бы любить его. На самом деле он ничуть не един, разновидностей у него много.

Первая из них – любовь к дому; к месту, где мы выросли, или к нескольким местам, где мы росли; к старым друзьям, знакомым лицам, знакомым видам, запахам и звукам. В самом широком смысле это будет любовь к Уэллсу, Шотландии, Англии. Только иностранцы и политики говорят о Великобритании.

С этой любовью к родным местам связана любовь к укладу жизни – к пиву, чаю, камину, безоружным полисменам, купе с отдельным входом и многим другим вещам, к местному говору и – реже – к родному языку. Честертон говорил, что мы не хотим жить под чужим владычеством, как не хотим, чтобы наш дом сгорел, – ведь мы и перечислить не в силах всего, чего мы лишимся.

Я просто не знаю, с какой точки зрения можно осудить это чувство. Семья – первая ступенька на пути, вводящем нас от эгоизма; такой пат-

риотизм – ступенька следующая, и уводит он нас от эгоизма семьи.

Конечно, это еще не милосердие; речь идет о ближних в географическом, а не в христианском смысле слова. Но не любящий земляка своего, которого видит, как полюбит человека вообще, которого не видит?

Все естественные чувства, в их числе и это, могут воспрепятствовать духовной любви, но могут и стать ее предтечами, подготовить к ней, укрепить мышцы, которым Божья благодать даст потом лучшую, высшую работу; так девочка нянчит куклу, а женщина – ребенка.

Такой патриотизм, конечно, ничуть не агрессивен. Он хочет только, чтобы его не трогали. У всякого мало-мальски разумного, наделенного воображением человека он вызовет добрые чувства к чужеземцам. Могу ли я любить свой дом и не понять, что другие люди с таким же правом любят свой? Француз так же предан *cafe complet*, как мы – яичнице с ветчиной; что ж, дай ему Бог, пускай пьет кофе! Мы ничуть не хотим навязать ему наши вкусы. Родные места тем и хороши, что других таких нет.

Вторая разновидность патриотизма – особое отношение к прошлому своей страны. Я имею в виду прошлое, которое живет в народном сознании, великие деяния предков. Прошлое это и налагает обязательства и как бы дает гарантию. Мы не вправе изменить высоким образцам; но мы ведь потомки тех, великих, и потому как-то получается, что мы и не можем образцам изменить.

Это чувство не так безопасно, как первое. Истинная история любой страны кишит постыднейшими фактами. Если мы сочтем, что великие деяния для нее типичны, мы ошибемся и станем легкой добычей для людей, которые любят открывать другим глаза. Когда мы узнаем об истории больше, патриотизм наш рухнет и сменится злым цинизмом или мы нарочно откажемся видеть правду. И все же, что ни говори, именно такой патриотизм помогает многим людям вести себя гораздо лучше в трудную минуту, чем они вели бы себя без него.

Мне кажется, образ прошлого может укрепить нас и при этом не обманывать. Опасен этот образ ровно в той мере, в какой он подменяет серьезное историческое исследование. Чтобы он не приносил вреда, его надо принимать как сказание. Я имею в виду не выдумку – многое действительно было; я хочу сказать, что подчеркивать надо саму повесть, образы, примеры.

Третья разновидность патриотизма – уже не чувство, а вера; твердая, даже грубая вера в то, что твоя страна или твой народ действительно лучше всех.

Как-то я сказал старому священнику, исповедовавшему такие взгляды: «Каждый народ считает, что мужчины у него – самые храбрые, женщины – самые красивые». А он совершенно серьезно ответил мне: «Да, но ведь в Англии так и есть!»

Конечно, этот ответ не значит, что он мерзавец; он просто трогательный старый осел. Но некоторые ослы больно лягаются. В самой крайней, безумной форме такой патриотизм становится тем расизмом толпы, который одинаково противен и христианству, и науке.

Тут мы подходим к четвертой разновидности. Если наша нация настолько лучше всех, не обязана ли она всеми править?

Когда есть это ощущение превосходства, вывести из него можно многое. Можно подчеркивать не долг, а право. Можно считать, что одни народы, совсем уж никуда не годные, необходимо уничтожить, а другие, чуть получше, обязаны служить избранному народу.

Конечно, ощущение долга лучше, чем ощущение права. Но ни то, ни другое к добру не приведет. У обоих есть верный признак зла: они перестают быть смешными только тогда, когда станут ужасными. Если бы на свете не было обмана индейцев, уничтожения тасманцев, газовых камер, апартеида, напыщенность такого патриотизма казалась бы грубым фарсом.

И вот мы подходим к той черте, за которой бесовский патриотизм, как ему и положено, сжирает сам себя. Честертон, говоря об этом, приводит две строки из Киплинга. По отношению к Киплингу это не совсем справедливо – тот знал любовь к дому, хотя и был бездомным. Но сами по себе эти строки действительно прекрасный пример. Вот они:

Была бы Англия слаба,
Я бросил бы ее.

Любовь так в жизни не скажет. Представьте себе мать, которая любит детей, пока они милы, мужа, который любит жену, пока она красива, жену, которая любит мужа, пока он богат и знаменит. Тот, кто любит свою страну, не разлюбит ее в беде и унижении, а пожалеет. Он может считать ее великой и славной, когда она жалка и несчастлива, – бывает такая простибельная иллюзия.

Но солдат у Киплинга любит ее за величие и славу, за какие-то заслуги, а не просто так. А что,

если она потеряет славу и величие? Ответ несложен: он разлюбит ее, покинет тонущий корабль. Тот самый барабанный, трубный, хвастливый патриотизм ведет на дорогу предательства. С таким явлением мы столкнемся много раз. Когда естественная любовь становится беззаконной, она не только приносит вред – она перестает быть любовью.

Итак, у патриотизма много обличий. Те, кто хочет отбросить его целиком, не понимают, что встанет (собственно, уже встает) на его место. Еще долго – а может, и всегда – страны будут жить в опасности. Правители должны как-то готовить подданных к защите страны. Там, где разрушен патриотизм, придется выдавать любой международный конфликт за чисто этический, за борьбу добра со злом. Это – шаг назад, а не вперед.

Хорошему человеку нужно знать, что его страна защищает правое дело; но все же это дело его страны, а не правда вообще. Мне кажется, разница очень важна. Я не стану ханжой и лицемером, защищая свой дом от грабителя; но если я скажу, что избил вора исключительно правды ради, а дом тут ни при чем, ханжество мое невозможно будет вынести.

*Клайв С. ЛЬЮИС,
из книги «Любовь»*

протестанты петербурга христианская АФИША

Христианская афиша «Протестанты Петербурга» — интернет-проект, направленный на освещение жизни и деятельности христианского сообщества Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

На проекте вы найдете

- Карту евангельских церквей Санкт-Петербурга и Ленинградской области
- Каталог христианских организаций
- Расписание церковных богослужений и мероприятий
- Фото- и видеорепортажи мероприятий
- Поиск церкви по станциям метро

afisha.drevolife.ru
Эл. почта: afisha@drevolife.ru

Наше хамство

Многие считают, что неуважение, пронизывающее всю нашу жизнь, составляет ее характерную черту и отравляет ее всю без остатка. Синоним неуважения – хамство, определить которое непросто.

С.Д. Довлатов утверждал, что Владимир Набоков, много лет преподававший в Корнелле, так и не сумел объяснить своим слушателям, что это за штука (справившись с такими понятиями, как «интеллигенция», «мещанство» и «пошлость»). Губительный же смысл слова «хамство», при всей его самоочевидности для любого русского, ему так и не удалось донести до юных американцев.

Развернутую дефиницию этому понятию дать действительно трудно. Тесная связь хамства с вечной проблемой Иного и Другого, очевидна: хамство есть, прежде всего, неприятие Иного и Другого, неуважение к ним, часто даже просто неспособность принять их существование – оно само по себе раздражает и угнетает. Дойти же до признания чьих-то прав и свобод часто и вовсе невозможно. Важно уязвить Другого любой ценой, даже в ущерб себе.

Популярный анекдот:

– Прости чего хочешь – сделаю, но то же самое сделаю вдвое твоему соседу.

– Тогда выбей мне один глаз.

Неуважение к Другому означает признание принципа «Истина – это я», из которого явно или неявно исходит всякий неуважающий. Хам неспособен признать, что можно и даже нужно принять право на существование мнения Другого, а если додумывается до этой мысли (такое бывает), то для того только, чтобы сознательно не учитывать его, делать все во вред Другому.

Отметим, что изначально хамское существование – это просто варварское, нецивилизованное существование. В этом смысле оно – дохристианское существование, основанное на недоверии и даже ненависти к Другому. Христианство есть, прежде всего, любовь к Богу; как следствие – любовь к ближнему, которого надо возлюбить «как самого себя» (Мф. 19:19).

Хамское существование зиждется на прямо противоположном принципе: «возненавидь ближнего», «покажи ему свою ненависть». Христианство – это, прежде всего, «золотое

правило»: не делать другим того, чего не хочешь себе (Деян. 15:20); хамство точно наоборот: обязательно сделай другим плохо!

Мало того: бывает, люди просто не понимают, как можно не сделать пакость, если есть к тому возможность. Редко кому приходит в голову, что цель существования может заключаться в том, чтобы облегчать другому человеку жизнь.

Хамство есть также неуважение общепринятых моральных принципов, их обязательное нарушение. Оно обязательно включает в себя неприятие нормы цивилизованного общества. Отсюда вытекает отсутствие нужды в честности, в благопристойности, упорядоченности и т. д. Под влиянием христианства происходило усвоение божественной истины, и следом – облагораживание всего бытия, усвоение Слова Божьего, понимание «пути и истины и жизни».

Однако в России усваивалось византийское толкование Слова. А как сказал В.С. Соловьев, «...в Византии люди хотели только беречь, а не творить истину, и вся их общественная жизнь, лишённая религиозной задачи, представляла бесплодную и бесцельную игру человеческих страстей».

Главным было (и остается) – соблюсти ритуал, обряд: прийти в церковь, когда положено, поставить свечку, вовремя поститься, исповедаться и причаститься. Не требовалось жить так, как заповедал Христос, это считалось недостижимым, этого ждали разве что от «святых».

«Не стоит село без праведника», – хорошо сказано. Но наши предки понимали это своеобразно: летописи свидетельствуют, что они, случалась, сажали на цепь людей, которых почитали святыми, – чтобы иметь возможность грешить безнаказанно, а сидящий на цепи «праведник» все отмолит. Между тем в Библии сказано: «Кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины» (1 Ин. 2:4).

Хамство есть нетронутость христианством и вообще цивилизацией; до известной степени оно есть естественное состояние людей, не знающих божественной истины и не желающих ее знать. Но не с таким хамством мы сталкиваемся в нашей нынешней повседневности, а с воинственным, агрессивным хамством, с хамством как стремлением поразить своим бескультурьем. Оно почти обязательно включает в себя сознательное неуважение к тому, что ценно другим, наслаждение и упоение им.

Это не просто бескультурье – последнее, как же говорилось, может быть, так сказать «невинным», может не подозревать, что оно бескультурье, а вот хамство воинственное предполагает осознанное стремление поразить своим бескультурьем. Открытый сдвиг (от неосознанности к осознанности в масштабе страны) произошел не так давно – всего лишь во время революции, которая сама по себе, помимо всего прочего, была и переходом от хамства как «естественного состояния» к хамству как вызову.

До 1917 года хамство, конечно, тоже наличествовало, но намеренно демонстрировалось не так уж часто. Слово «хам» во времена Пушкина (и еще долго после него) означало просто словенную принадлежность к низшим слоям. Вот что он писал П.А. Вяземскому: «...встреча моей дворни, хамов и моей няни – ей-Богу приятнее щекотит сердце, чем слава...». Он имел в виду просто крепостных, и не более.

Сейчас все возводят к библейской истории о Ное и его сыновьях: «И выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видели наготы отца своего. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его, и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих. (Быт. 9:21-25). Отсюда следует, что Хам проявил непочтение (неуважение) к отцу, за что и был наказан: определен в служение к братьям.

Так слово «хам» и воспринималось в России на протяжении веков: некто, занимающий подчиненное положение, состоящий в услужении. Но с самого начала, видимо, уже с оттенком пренебрежения: у Даля находим такое определение: «Хам, хамуга, хамовщина – отродье, бранное прозвище лакеев, холопов или слуг; крепостной». Но у Даля же в другой словарной статье находим такое определение этому слову: «Почитатель, обожатель, преданный слуга».

Современный исследователь жалуется: «Всякий раз, когда нам кажется, что определение слова «хамство» найдено, оно выскальзывает у нас из рук... Похоже, что хамство – это и грубость, и наглость, и нахальство. Грубость выполняет функцию формы; наглость обуславливает наличие цели; нахальство же выражает особый способ действия» (Д.А. Цимошка, «О хамстве»).

Беда нынешнего времени, начавшегося в 1917 году, в том, что с социальной лестницы сбросили всех, находившихся наверху, – в том числе не только «эксплуататоров», но и всех, обладавших цивилизованностью. И выдавили то положительное, что удалось накопить за время, когда христианство все-таки было представлено в стране и определяло нравственную атмосферу. «В наш скромный быт ворвалось торжествующее хамство», – так выражались тогда умные люди.

Накопленный позитив («нехамство») пустили в распыл, промотали, вернулись к «подлой обыкновенности», если воспользоваться языком Петра I, которую, однако, в наше время стали превозносить как особую цивилизацию, равную западной, а кое в чем и превосходящую ее. Острее всего утрату почувствовали современники той эпохи, люди Серебряного века.

Д.С. Мережковский узрел три лица Грядущего Хама. Первые два – это самодержавие и официальное православие, но главное – это «Третье лицо – будущее – под нами, лицо хамства, идущего снизу... – самое страшное из всех трех лиц – хулиганство, босячество, черная сотня».

Зинаида Гиппиус торжество Хама выразила в известном стихотворении «Веселье» (29 октября 1917 года):

Приглашаем вас изучать Библию по урокам-беседам, рассылаемым по почте или онлайн в интернете на сайте GTGold.ru. В уроках обсуждаются темы: Что такое христианство, что такое Священное Писание, проблемы сотворения мира и многое другое. Заявки для записи на библейские курсы можно отправить на наш электронный: konkordiaspb@mail.ru, почтовый адрес: Фонд «Конкордия», а/я 55, Санкт-Петербург, 199004. Россия или отправить SMS'ку с заявкой на курсы на номер: +7 911 821 70 02 Для прохождения онлайн изучения по видео урокам, зарегистрируйтесь на сайте GTGold.ru Заочное изучение Библии проводится при поддержке Фонда «Конкордия».

Блевотина войны – октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твоё похмелье,
О бедная, о грешная страна!

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил – засек кнутом?

Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой.
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь.

Но и её подвела бодряческая вера в «загонят»
– не загнали, хамство восторжествовало – окончательно? О себе же и людях её круга она же точно сказала:

Лежим, заплеваны и связаны
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

И, наконец, Иван Алексеевич Бунин, самый великий неприятель русского хамства, который отверг его с самого начала. Он так объяснил свою эмиграцию в «Великом дурмане»: «...мы, бежавшие из этой прекрасной страны, не будучи в силах вынести вида её крови, грязи, лжи, хамства, низости, не желая бесплодно погибнуть от лап русской черни, подонков русского народа, поднятых на неслыханное злодейства и мерзости...»

Бунин знал, что хамство – вещь у нас давняя («кровавый хам Разин» – его определение), его носители ничем не стесняются, «...умеют нагонять страх, ужас эти негодяи, сами всячески подчеркивают, афишируют свое зверство!»

Вообще же задолго до этой троицы Ф.М. Достоевский глубоко проник в суть этого феномена, что отражено в образах всяких бесчинных и бесчинствующих людей из подполья. В «Дневнике писателя» он пишет: «Мы не имеем внутренней потребности уважать в другом человека, как это все еще есть и продолжает быть в Европе...» Не очень лестно, но, не исключено, справедливо. Разумеется, Достоевский находил и другие, куда более теплые слова о русском народе, но ведь и эти не вырубишь топором.

Он много и чрезвычайно глубоко рассуждал и о непреодолимом стремлении к бесчестию, о поиске позора, как о вечно русском занятии, об упоении им, о стремлении заголиться при всех. Он писал: «...чрезвычайно приятно (о, многим, многим!) встать посреди собрания, где всё кругом, дамы, кавалеры и даже начальство..., встать посреди этих европейцев и вдруг что-нибудь гаркнуть на чистейшем национальном наречии, – свиснуть кому-нибудь оплеуху, отмочить пакость девушке и вообще тут же посреди залы нагадить: «Вот, дескать, вам за двухсотлетний европеизм, а мы вот они, все как были и никуда не исчезли!» Это приятно.»

В Европу нас насильно вогнал Петр, большевики столицу из Петербурга опять перенесли в Москву, и хамство вернулось во всем своем великолепии. Некоторые полагают, что оно стало вовсе неодолимым. Среди них Довлатов, сказавший: «Хамство тем и отличается от грубости, наглости и нахальства, что оно непобедимо».

МОЛОДЕЖНЫЙ СПЕЦПРОЕКТ
**«ХРИСТИАНИН НАШЕГО
ВРЕМЕНИ»**

МОЛОДЕЖНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПРОФЕССИЯ
как призвание,
СЛУЖЕНИЕ
как образ жизни

2 МАЯ 10:00
ЦЕРКОВЬ ЕХБ «ИСТОЧНИК ВОДЫ ЖИВОЙ»
Г.ВОРОНЕЖ, УЛ. Б. СТРЕЛЕЦКАЯ 20-А

РЕГИСТРАЦИЯ: s.molostov99@gmail.com с копией centr@apologet.ru Тел. 8-900-306-04-68 (Сергей)
Информация на сайтах: WWW.APOLOGET.RU | WWW.BEZ-STEN.COM

НАУЧНЫЙ БИБЛЕЙСКИЙ ЦЕНТР «АПОЛОГЕТ» АССОЦИАЦИЯ «ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ» ЦЕРКОВЬ ЕХБ «ИСТОЧНИК ВОДЫ ЖИВОЙ» ХРИСТИАНСКИЙ ЦЕНТР «МИР»

Трудно удержаться, чтобы не процитировать его же касательно эндемичности нашего хамства: «Десять лет я живу в Америке... и все поражаюсь отсутствию хамства. Все, что угодно, может произойти здесь с вами, а хамства все-таки нет. Не скажу, что я соскучился по нему, но все же задумываюсь – почему это так: грубые люди при всем американском национальном, я бы сказал, добродушии попадают на наглые и нахальные – тоже, особенно, извините, в русских районах, но хамства, вот такого настоящего, самоупоенного, заведомо безнаказанного, – в Нью-Йорке практически нет. Здесь вас могут ограбить, но дверь перед вашей физиономией не хлопнет, а это немаловажно».

В России же, похоже, хамство не убывает, напротив, его становится все больше, чему способствует распространение информационных технологий, прежде всего Интернета, где хамство расположилось особенно вольготно. В обществе всегда есть какое-то количество людей, испытывающих неодолимую тягу к написанию неприличных слов и посланий на заборах и в общественных туалетах, теперь они получили неисчерпаемый ресурс для удовлетворения этой нечистой страсти.

Надобность в хамстве отражает какие-то глубинные потребности натуры, которые могут быть изжиты только в результате каких-то глубинных же перемен, потребность в которых пока не ощущается. А если кем-то и ощущается, то все равно на изживание хамства потребуется не одно поколение.

Оно не есть, как иногда утверждают, следствие наших социальных неурядиц. Наоборот: все наши беды (социальные тоже) имеют своей причиной хамство, что сразу же после революции стало ясно такому глубокому мыслителю, как Н.А. Бердяев, который в 1918 году писал в «Духах русской революции»: «То нечеловеческое хамство, которое увидел Гоголь, не есть порождение старого строя, не обусловлено причинами социальными и политическими, наоборот, – оно породило все, что было дурного в старом строе, оно отпечатлелось на политических и социальных формах».

Как бы то ни было, тема хамства очень даже затрагивает людей, многие живут в ожидании хамства и внутренне всегда готовы к встрече с ним. Хам не знает, что такое воспитанность, благожелательность, его гложет ненависть ко всем. С его точки зрения все люди – враги друг другу. Отсюда его сентенции о «фальшивой

вежливости» европейцев; привычное скотство в отношениях людей друг к другу кажется ему естественным, да и единственно возможным стилем общения людей. Вежливость у нас все же еще встречается (единичные случаи), но она воспринимается как ненормальность.

Кто у нас не потешался над политкорректностью, вещью для многих вовсе непонятной? В самом деле – зачем стараться никого не задеть, когда смысл бытия видишь в том, чтобы как раз задеть? И потому учтивость воспринимается как нечто и вовсе несуразное. Это в Европе еще Сервантес сказал, что «по части учтивости лучше пересолить, чем недосолить». У нас – наоборот.

Нравственная безответственность – непрерывный спутник хамства. Хам не признает «списка запретов», заданного заповедями Христа. Он знает об их существовании, но удовольствие получает как раз от их нарушения. Он чрезвычайно терпим к криминалу, сам без особой внутренней борьбы вступает в его ряды. Хам обычно сам выбирает свою судьбу, он сознательно не упускает возможность покуражиться над человеком, если знает, что ему за это ничего не будет, – этим очень грешат наши начальники всех рангов.

Равнодушие к истине, которое Владимир Соловьев считал величайшим пороком нашего бытия, неотделимо от хамства. Истина обладает благодатной понудительной силой: если она явилась мыслящему человеку, он не может не признать ее, ибо она выше него. Христос определял себя, в том числе, и как истину, и в религиозном смысле принимать истину – значит принимать Бога и все Его установления. Истина предстает перед человеком как нечто высшее по отношению к нему, а как раз другое и высшее у нас часто не уважают и не приемлют.

За минувший век болезнь эта только усугубилась, благодатная понудительная сила истины ослабела, если не исчезла совсем. Во времена В.С. Соловьева все-таки было немало людей, говоривших: «Истинно, и потому наше»; сейчас торжествуют те, кто говорит: «Наше – и потому истинно». А между тем только любовь к истине, к правде, прежде всего к Божьей правде, только готовность познать и признать Божью истину позволяет отдельному человеку и человеческим сообществам удержаться на плаву, не сгинуть в бездне зла.

Очень часто человек у нас не верит никому и ничему – до мании преследования, до паранойи. Он везде ищет – и находит – тайный умысел, двойное дно, заговор. Ему неведома пре-

змпция невинности, он исходит из того, что «о человеке надо думать плохо» – вещь совершенно нехристианская.

Парадоксально, но при всей подозрительности и недоверии к другим, люди у нас страшно легковжны. Давно сказано: кто никому и ничему не верит, тот верит всему и всем. Без особого труда можно уговорить нашего человека пить собственную мочу или строить счастливое коммунистическое общество.

Давно замечено, что неуважение к себе составляет основу неуважения к другому. Человек держит круговую оборону в силу нравственной неразвитости, отсутствия христианских начал. Он отовсюду ждет удара – и наносит упреждающие. Его грубость объясняется вечным ожиданием какого-то умаления, которое на подсознательном уровне представляется неизбежным – и даже заслуженным.

У большинства людей за плечами горький опыт испытанного унижения – и в семье, и в школе, и на работе. И он не видит надобности «церемониться» с другими, соблюдать какие-то правила общения, как-то щадить чувства собеседника, предугадывая его возможную реакцию. А если задумывается об этом, то часто с прямо противоположной целью – как задеть побольнее, как ударить наотмашь, под дых.

Хамство у нас агрессивно и в том смысле, что оно не прячется, напротив – требует заявить о себе. А если иногда приходится его скрывать, то всегда скрепя сердце – «погодите уж!» И скрывать его можно только до поры до времени. Дьявол иногда рядится в одежды праведника, но хамство (штука все-таки дьявольская) предпочитает заявить о себе открыто, хам не любит прикидываться благородным, да у него это и не получается.

Непримение другого порождает всеобщую неблагожелательность ко всем, подчеркнутую демонстрацию ее. Это бытовая злобность, но она связана и с библейским или космическим злом и прямо вытекает из него. Эта злоба вроде бы

беспричинная или «безмотивная», как говорил один из самых светлых православных наших умов С.С. Аверинцев.

«Прежде чем рассматривать идеологически мотивированную злобу, – писал он, – этническую, политическую, конфессиональную или псевдоконфессиональную и т.д., надо, вероятно, обратить внимание на феномен безмотивной злобы. Мы живем в городе, где в духе своем убивают ближнего, даже не доходя до специальной, персональной злобы против него, не замечая его как личность, хотя бы негативно...»

Такую безмотивную злобу изжить трудно, тут просто непонимание: как можно не сделать человеку зло, если есть возможность сделать? И если не получается в реальности, то хотя бы в мечтах.

Стране остро не хватает милосердия. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в наши больницы, детские дома, дома для престарелых, узилища и тому подобные заведения. Больные лишены присмотра, старики умирают в собственных нечистотах под издевательства санитарок, понятие «уход за больными» просто неведомо многим людям.

Сейчас появилась невиданная ранее разновидность хама – новые русские, которые испытывают неодолимую потребность удивить мир своим скотством где-нибудь в Куршевеле. Позерством человек тоже стремится самоутвердиться, но получается плохо.

Щедро представлен такой феномен, как самодурство, неведомое другим народам – ни Запада, ни Востока. Самодурство тоже есть проявление неизбывной и ненасытной потребности унижить, умалить другого, обычно действиями весьма абсурдными, нелогичными, непродуктивными, иррациональными, – но зато тешащими душу: «Вот я каков!» Это чтоб на коленях стояли, это заставить делать то, что не хотят делать – для многих высокое наслаждение!

Наша речевая культура свидетельствует о глубоко неуважении человека к человеку. Дело даже не в мате, который норовят легализовать. Обычный стиль – все та же злобная неблагожелательность, всепоглощающая ругань. Народы, с большим вниманием относящиеся к речевой этикету (японцы, к примеру), при переводе наших фильмов вынуждены менять целые куски – они для иностранного уха просто неприемлемы. («Почему вы, русские, так ненавидите друг друга?») – этот вопрос непременно возникает у них при работе с нашими текстами.)

У нас и в речи – крайности: либо чудовищная грубость, находящая выражение в том же мате, либо холуйское сюсюканье, сплошные диминутивы да словоерсы. А нормальную речь услышишь редко. Эту ненормальность хорошо ощущают наши дети. Они острее воспринимают ругань, прошедшие через наши приюты и детские дома говорят, что это самое ужасное, что им запомнилось.

Послушайте наших детей (не приютских тоже) об их общении со взрослыми, в них сплошь «А потом дядя стал ругаться...» да «А потом тетя стала ругаться...», ибо без ругани взрослые не обходятся. А что это такое – ругань? Тоже очень трудное для перевода слово, это отечественная манера общения, в которой непременно надо выразить свое неуважение собеседнику языковыми средствами.

Тяга к крайностям, упоение собственным скотством – вещь давняя и непривлекательная. Еще до «Вех» В.С. Соловьев вопрошал: «Неужели между скотоподобием и адским изуверством нет третьего, истинно человеческого пути для русского мужика? Неужели Россия обречена на нравственную засуху...?» Этот же вопрос задают и в наши дни.

Тяга к крайностям объясняет симпатию, которую вызывают в России радикалы – в философии, политике, даже в экономике, где трезвый подход особенно необходим. Так нет же – и там в перестройку за преобразования взялись чрезвычайно решительные люди, что привело к тяжелым последствиям. Так и шатаемся из стороны в сторону: то «все, что не разрешено, – запрещено», то «все, что не запрещено, – разрешено», а мудрой середины нет как нет. А если нет середины, то нет и культуры. Паскаль давно сказал что-то вроде того, что кто вне середины, тот вне человечества.

Часто тяга к неуважению, вечное нарушение правил объявляют творческим порывом – якобы в таком вот «Чертогоне» проявляется высшая духовность. Иногда, возможно, проявляется. Но чаще здесь проявляется пренебрежение к установившемуся порядку вещей, к норме, к людям вообще. Земное в глазах такого максималиста не имеет никакой ценности, заниматься его улучшением недостойно «высокого предназначения человека». Давно было сказано (балериной Карсавиной), что Россия – страна великой культуры, но она же и страна великого бескультурья.

Неубедительны попытки выдать эти неприглядные вещи за простоту натуры. Сама по себе

простота действительно не порок, она, вопреки пословице, отнюдь не хуже воровства. Незатейливость натуры даже привлекательна – если она не содержит в себе озлобленности.

Хамство пытаются выдать за искренность – Фазиль Искандер сказал как-то, что хамство есть необработанная искренность, но это скорее удачное *mot*, чем серьезная дефиниция. Да, наглец у нас любит выдать себя за правдоруба, который любому может сказать все, что думает. Однако цивилизованность как раз и состоит в «обработанности», в том, что не все признается годным для озвучивания, что есть запретные или полузапретные зоны, куда лучше не углубляться, если не хочешь прослыть наглецом, невоспитанным человеком, наконец. Библейский Хам, рассказав братьям о наготы отца, тоже сказал сущую правду – за что и понес наказание.

Как ни грустно, но столь ценимая у нас несгибаемость, одинаково щедро представленная и у Ленина, и у Солженицына, состоит в теснейшем родстве с хамством. Само слово «компромисс» у нас чуть ли не ругательное, а отзыв «Ему приходилось идти на компромиссы» звучит осуждающе. Хама у нас нередко норвят выдать за человека твердых убеждений, который отстаивает их, несмотря ни на что. Если бы! На самом деле хам просто не приемлет права другого человека на свои убеждения, о чем и сообщает не обинуясь.

Тут следует помянуть и прославленную широту натуры, которую часто выводят из бескрайних русских просторов. Е.Н. Трубецкой писал: «Равнинный степной характер нашей страны наложил свою печать на нашу историю. В природе нашей равнины есть какая-то ненависть ко всему, что перерастает плоскость, ко всему, что слишком возвышается над окружающим. Эта ненависть составляет злой рок нашей жизни. Она периодически сравнивала с землей все то, что над нею выросло». История России в XX была особенно богата такими «сравнениями».

Наряду с этим у нас представлена и тяга к героизму, столь детально разобранная в тех же «Вехах», где С.Н. Булгаков писал в статье «Героизм и подвижничество», что у нас предпочитают «не обеспеченный минимум, но героический максимум». И еще он утверждал, что «героизм, как распространенное мироотношение, есть начало не собирающее, но разъединяющее, он создает не сотрудников, но соперников», он непригоден «для выработки устойчивой, дис-

циплинированной, работоспособной личности, держащейся на своих ногах, а не на волне общественной истерики, которая затем сменяется упадком».

Прозорливо замечено, что глубоко несчастна страна, постоянно испытывающая потребность в героизме и в героях. У нас хорошо с героями, но плохо с теми, кого презрительно именуют «обывателями», хотя только они – подлинны создатели, основа стабильности и благополучия.

И ничто пока не свидетельствует о том, что это давно диагностированная болезнь будет вылечена. Напротив, все, сказанное нашими лучшими умами о неодолимой тяге показать свою невоспитанность и выразить непочтение ко всему упорядоченному, сохраняет свою силу. И по-прежнему наибольшей популярностью пользуется все то, что наиболее эффективно способствует этому, а потому на первом месте и впредь будут те, кому неведомо уважение.

И повторение «окаянных дней» отнюдь не исключено.

Игорь ПОДБЕРЕЗСКИЙ

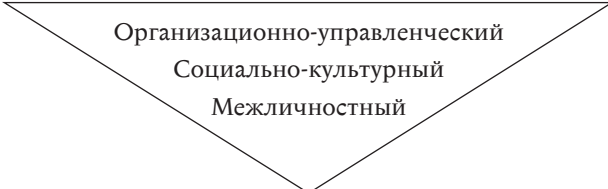
Москва

Игорь Витальевич Подберезский скончался 24 декабря 2014 года. Данная статья была прислана им в редакцию газеты за 9 дней до его встречи с Господом.

Разрешение конфликтов в общине

Будучи молодым пастором и доучиваясь на вечернем отделении университета, я выбрал тему дипломной работы «Диагностика, разрешение и профилактика конфликтов в трудовых коллективах». В том момент я еще не знал, что на протяжении всего пасторского служения мне не раз придется применять полученные знания на опыте.

Одна из концепций конфликтологии утверждает, что есть как минимум 3 уровня, на которых порождаются конфликты в организациях, – организационно-управленческий, социально-культурный и межличностный.

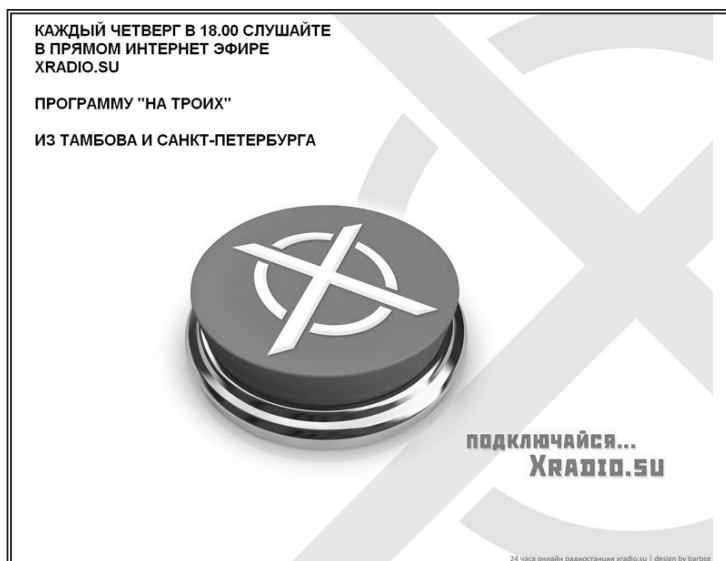

Организационно-управленческий
Социально-культурный
Межличностный

И в рамках этой теории утверждается, что конфликты нужно решать на том уровне, на котором они порождены. Например, если у вас проблемы в структуре организации – непонятно, кто за что отвечает и с кого спрашивать, то, сколько ни улучшай межличностные отношения, люди снова вернутся в ситуацию, которая постоянно порождает напряжение.

Или, например, если у вас в коллективе позиционный конфликт между «старожилами» и молодежью, то, сколько ни оптимизируй организационную структуру, наличие двух социальных группировок сделает ее неэффективной, люди будут просто ее игнорировать.

Интересный пример решения конфликтов в церкви мы находим в истории избрания семи дьяконов в книге Деяний в шестой главе. И в сегодняшнем нашем размышлении мне бы хотелось рассмотреть этот эпизод не с богословской, а именно с организационно-управленческой точки зрения. То есть посмотреть на молодое христианское движение как на организацию в процессе формирования, утверждающую свои цели и приоритеты, стратегию и структуру.

КАЖДЫЙ ЧЕТВЕРГ В 18.00 СЛУШАЙТЕ
В ПРЯМОМ ИНТЕРНЕТ ЭФИРЕ
XRADIO.SU

ПРОГРАММУ "НА ТРОИХ"
ИЗ ТАМБОВА И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

подключайся...
XRADIO.SU

ру, преодолевающую социальное напряжение между своими членами и успешно решающую конфликты. А самое главное, с помощью Духа Святого адекватно реагирующую на вызовы, которые ставит перед ней жизнь.

Давайте коротко вспомним ситуацию, описанную в Деяниях:

«В то время, когда число учеников все множилось, грекоязычные евреи стали роптать на местных евреев, говоря, что при ежедневных раздачах их вдовы обделялись» (6:1, РБО).

Что, собственно, произошло?

Евреи диаспоры, съехавшиеся на праздник Пятидесятницы (Шавуот), признавшие Иисуса Мессией и ставшие частью общины, не разъехались после праздника, а остались в Иерусалиме. Естественно, средства у приезжих паломников вскоре закончились, но разъезжаться никто не спешил.

Вторая глава книги Деяний описывает ту удивительную атмосферу любви, заботы, единства и поклонения, царившую среди новообращенных. Все бремя забот и содержания приезжих легло на Иерусалимских и окрестных верующих из числа иудеев. Собранные за счет преимущественно местных иудеев средства тратились, главным образом, на приезжих евреев.

Распределение средств осуществляли местные иудеи и в какой-то момент этнические противоречия, существовавшие между двумя группами, вылились в конфликт – вдовы диаспоры оказались обойденными в распределении гуманитарной помощи.

По всей видимости, взаимное недоверие и противоречия достигли такого градуса, что решить их между собой, на своем уровне участники конфликта уже не могли. Было решено привлечь к решению спора третью сторону, которая была бы авторитетом для всех. Поэтому участники конфликта обратились к Апостолам.

В этом эпизоде церковь столкнулась с двумя проблемами:

– на социальном уровне: напряжение, существовавшее между двумя культурно-этническими группами, влившимися в молодую общину, переросло в открытый конфликт;

– на организационно-управленческом уровне: потеря управляемости разросшейся общины со стороны апостолов и их вовлечение в решение оперативных, рутинных вопросов в ущерб вопросам развития и стратегии.

Риски, которые несла эта проблема

Что случилось бы, если бы молодая христианская община не справилась бы с этим вызовами?

Прежде всего, на социальном уровне произошла бы дальнейшая эскалация конфликта и рост напряжения между двумя этническими группами внутри церкви. Что привело бы, в итоге, к расколу на национальной почве, со всеми разрушительными для церкви и дела Евангелия последствиями.

На организационно-управленческом уровне, если бы апостолы позволили втянуть себя в решение хозяйственно-административных вопросов вместо «молитвы и проповеди Евангелия», произошла бы подмена целей и ценностей. Лидеры, вместо своей основной функции определять видение, цели, ценности и пути развития церкви, сосредоточились бы на обеспечении внутренних процессов. Что, в конечном счете, привело бы к утрате чувства миссии и замыканию молодого христианского движения на самом себе.

Все это вкупе привело бы к изоляционизму «правильной и чистой» иудейской христианской общины и к ее вырождению в одну из сект иудаизма.

Решение, принятое церковью

«Поэтому двенадцать апостолов, созвав всех учеников, сказали:

– Не пристало нам, забросив проповедь Божьей Вести, прислуживать у столов. Братья, присмотрите себе из вашего же числа семь человек: людей с доброй славой, разумных и исполненных Духа. И мы поручим это дело им, а себя посвятим молитве и проповеди Слова» (6:2, РБО).

Община согласилась и «присмотрела» семь человек. Обратите внимание, что все члены комитета были избраны из числа евреев диаспоры (социальный уровень). То есть напряжение было снято тем, что части верующих из евреев диаспоры предложили самоорганизоваться, предоставили им значительную самостоятельность и право на самоуправление в сфере хозяйственных вопросов, не касающихся вопросов учения. (Пример разрешения доктринального спора мы находим в книге Деяний в 15 главе.)

Это стало переходом от покровительственно-го отношения «сверху» и попыток контролировать все происходящее, в том числе и хозяйственные вопросы, к равноправным, партнерским отношениям между двумя этими группами. Мы видим первый пример осуществления

известного принципа решения конфликтов в церкви: «В главном – единство, во второстепенном свобода, во всем – любовь».

На организационном уровне произошла передача части функций в управлении соответствующим образом подобранным и подготовленным людям. Произошло разделение функций в руководстве церковью на духовный (стратегический) уровень – молитва и распространение Евангелия – и операционную деятельность обеспечения поддерживающих процессов.

При этом данное распределение не было жестким. Избранные дьяконы не были заняты решением только хозяйственных вопросов. Мы видим их проповедующими и участвующими в миссионерской деятельности.

Более того, данный комитет не был постоянной структурной единицей. Он был сформирован под конкретную потребность в общине и был распущен, как только необходимость в нем отпала. На этом примере мы видим, что ранняя церковь проявляла удивительную структурную и организационную гибкость, не создавая структур ради структур, не наделяя их сакральным смыслом, и закрывала их, как только их функция и значение были исчерпаны.

Применение уроков истории к современной ситуации

Социально-культурный уровень

В современной церкви так же могут существовать различные социальные, культурные и этнические группы, различие между которыми может порождать напряжение и выливаться в конфликты. Например, у нас в Казахстане в девяностые годы во многих церквях велась серьезная евангелизационная деятельность среди казахов, уйгуров и других азиатских национальностей. В церковь влились значительное количество националов, стали появляться национальные лидеры и это был безусловный успех.

Но элемент недоверия к молодым национальным лидерам, отношение к ним как «к младшим братьям», стремление к избыточному контролю и отсутствие гибкости в вопросах языка и адаптации форм богослужения к национальной культуре привели к обострению противоречий и к массовому исходу казахов из русскоязычных церквей.

Последствий болезненного разрыва, которые ощущаются до сих пор, можно было бы избежать или хотя бы смягчить их и сделать этот процесс более управляемым, просто предостав-

ляя все больше самостоятельности и самоуправления национальным общинам во второстепенных организационных и культурных вопросах, сохраняя единство в вопросах вероучения.

Организационно-управленческий уровень

Многие молодые пасторы и лидеры в своем служении совершают одну и ту же ошибку – пытаются контролировать и отвечать за слишком многие области жизни церкви и служения. Чем полностью опустошают себя и доводят до состояния эмоционального истощения.

Не избежал этой ошибки и Моисей, когда пытался единолично разбирать все споры и вопросы народа (Исх. 18:18-21). Результат был закономерный.

Во-первых, народ был недоволен, так как Моисея на всех не хватало.

Во-вторых, Моисей был измотан и истощен – «ты измучишь и себя и народ сей, который с тобою, ибо слишком тяжело для тебя это дело: ты один не можешь исправлять его».

В-третьих, Моисей не выполнял главного своего предназначения – «будь ты для народа посредником пред Богом и представляй Богу дела [его]; научай их уставам и законам [Божиим], указывай им путь [Его], по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать».

Выход для пасторов и лидеров тот же, что и для Моисея и для Апостолов – делегирование части ответственностей в церкви «разумным людям, с доброй славой и исполненных Духа»:

«Ты же усмотри из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь [их] над ним тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками».

Таким образом, в шестой главе книги Деяний мы видим удивительный пример того, как ранняя церковь с мудростью и силой преодолевала внутренние, социальные и организационные проблемы, могущие встать на пути ее развития. И в этом проявился не столько управленческий талант Апостолов – так как они были «люди простые и не книжные», сколько присутствие Духа Святого, наполнявшего раннюю церковь и наделявшего ее такой силой. В этом вдохновляющий пример и для нас, лидеров, служителей, пасторов XXI века.

*Максим МИЩЕНКО,
Алма-Ата*

Появляющаяся или исчезающая?

В 1944 году в своих письмах из тюрьмы Дитрих Бонхёффер сформулировал критические вопросы, важные для экклесиологии того времени. Он писал:

«...что означают церковь, община, проповедь, литургия, христианская жизнь в безрелигиозном мире? Как мы можем говорить о Боге без религии, то есть без обусловленных временем предпосылок метафизики, душевной жизни человека и т. д., и т. п.? Как можем мы говорить (или, может быть, об этом даже нельзя говорить? как прежде) ?мирским? языком о ?Боге?, как можем мы быть ?мирскими и безрелигиозными? христианами, как мы можем быть экклесией, вызванными, не считая себя избранниками в религиозном плане, а относя себя всецело к миру? Тогда Христос уже больше не предмет религии, а нечто иное, действительно Господь мира. Но что это означает? Что в атмосфере безрелигиозности означают культ и молитва?»

Тогда казалось, что время религии подошло к концу. Сегодня многие исследователи констатируют наступление новой постсекулярной эпохи. Но сняты ли с повестки дня вопросы Бонхёффера?

Кажется, что не совсем. Ведь постсекуляризм – это не просто реванш церкви (хотя в нашей стране это может так выглядеть). Правила игры значительно изменились. Сегодня нужно лишь слегка переформулировать вопрос Бонхёффера, чтобы он сохранил актуальность. «Что означают церковь, община, проповедь, литургия, христианская жизнь в постсекулярном мире?».

Многие западные теологи пытаются ответить на этот вопрос. Ведутся напряженные дискуссии о будущности разных форм церковной жизни. И все чаще по-

вестку дня богословских споров определяет феномен «появляющейся» церкви.

В нашей стране о «появляющейся» церкви долгое время можно было узнать только из англоязычных изданий и немногочисленных статей. Это был постыдный пробел в евангельском богословском дискурсе.

Сегодня ситуация, по крайней мере отчасти, исправлена благодаря книге Романа Соловьев «Появляющаяся церковь. Евангелическое христианство перед вызовом постмодернизма». Это работа, без сомнения, станет хрестоматийной по данному предмету. Остается надеяться, что другие богословы подхватят дискуссию, и мы удивим новые исследования столь же высокого уровня.

В данном случае перед нами отличное введение в философский дискурс о постмодернизме, а также в богословскую проблематику второй половины XX века. Автор привлекает внушительный корпус текстов, посвященных постмодернизму и феномену «появляющейся» церкви.

Конечно, постмодернистская философия представлена в исследовании неравномерно. Некоторых мыслителей автор обходит стороной. Но ключевым фигурам континентальной философии уделено достаточно внимания.

Что же такое «появляющаяся» церковь? Это сравнительно новое движение, возникшее в рамках западного (прежде всего, протестантского) богословия. Участники движения пыта-

Юридическая компания
«ЛЕГИСПРО»

www.legispro.ru

Мы оказываем помощь в различных юридических вопросах, в том числе:

- Земельных
- Административных
- Гражданских
- Жилищных
- Коммерческих
- Наследственных
- И других юридических вопросах

Наши контакты:

Мобильный: (812) 925-44-33

Рабочий: (812) 920-21-90

Телефон/факс: (812) 570-01-90

Адрес:

м. «Адмиралтейская»

Санкт-Петербург, ул. Малая Морская, д. 16

(вход с улицы; 1-й этаж; на домофоне № 1)

ются переосмыслить задачи, методы и даже саму суть церкви, исходя из культурного контекста постмодерна.

Как отмечает автор, «появляющаяся церковь – это не иерархическая организация, а спонтанное движение, которое своими ценностями и подходами объединяет чрезвычайно разнообразными личностями, церкви и целые группы церквей. Вот почему так сложно определить границы движения, ведь в нем представлен целый круг богословских позиций, а также церковных традиций».

Из этой характеристики становится понятно, что анализировать феномен «появляющейся» церкви чрезвычайно сложно. Но, так или иначе, представители этого движения действуют, учитывая контекст постмодерна. Наиболее радикальные участники предлагают пересмотреть не только формы церковного служения, но и принципы богословского дискурса, а также важнейшие богословские доктрины.

Среди отличительных черт «появляющейся» церкви можно назвать: отказ от претензий на безусловность интеллектуальных утверждений (постфаундационализм), отсутствие жестких догматических систем (великодушная ортодоксия), стремление сохранять единство при различиях, нарративное богословие, смиренную эпистемологию, акцент на органической теории спасения, радикальный инклюзивизм и т. п.

Некоторые из этих черт вызывают серьезную обеспокоенность в консервативных богословских кругах. Ведь они ставят под вопрос не только форму, но и суть христианского вероучения. Споры кипят, и оппоненты не скупаются на обвинения друг друга в ереси.

Джон Пайпер описал «появляющуюся» церковь как «отступление белого среднего класса от ортодоксии». Защитники движения, напротив, видят в нем возвращение к истокам христианства.

Так что же это за явление? Действительно ли церковь появляется в новой форме, или она просто исчезает, размываемая постмодернистской культурой?

Роман Соловий по большей части устоял перед искушением занять позицию одной из сторон в этом споре. И хотя сам автор придерживается вполне консервативной точки зрения, работа представляет взвешенный и серьезный разговор о проблеме. Чувствуется желание автора понять, прежде чем судить. В этом несомненный плюс данного исследования.

Однако академический стиль письма имеет не только достоинства, но и недостатки. Читатель, избалованный научно-популярными текстами, столкнется с трудностями при знакомстве с данной работой. Подозреваю, что обилие философских и богословских терминов может сузить потенциальную аудиторию. Как известно, количество читателей и количество сложных терминов обратно пропорциональны.

Текст исследования довольно сух и местами похож на переделанную диссертацию (по крайней мере, мне так показалось). Но в данном случае это означает только одно – книга не показана для развлекательного чтения в метро.

Библиография работы поражает своих охватом. Автор привлекает большое количество самых разнообразных источников, многие из которых доступны только на английском. Правда, при такой объемности темы любой библиографический список будет страдать избирательностью. В данном случае непонятно, почему автор обошел вниманием книги Томаса Одена, Джима Петерсена, Френсиса Шеффера.

Анализируя теологию «появляющейся» церкви, Соловий стремится, прежде всего, показать ее своеобразие. Иногда, как мне кажется, это приводит к определенному искажению картины. Ведь программа «появляющейся» церкви принципиально диалогична и экуменична. Например, при критике концепции Роба Белла полезно помнить, что в православии до сих пор не утихают дискуссии по поводу апокатастасиса.

Возможно, стоило бы более подробно остановиться на связи богословия «появляющейся» церкви и теологических программах Д. Бонхёффера, П. Тиллиха и т. д. Здесь возникает множество параллелей. А ведь эти теологи вовсе не были затронуты философией постмодернизма.

Но это мелкие шероховатости, не портящие впечатления от замечательного исследования. Уверен, что книга будет еще переиздаваться, так что у автора есть возможность дополнять и совершенствовать текст. Другим богословам и религиоведам, изучающим феномен «появляющейся» церкви, уже сейчас задан очень высокий стандарт. Теперь, чтобы убедиться в компетентности человека, рассуждающего о христианстве в эпоху постмодерна, будет достаточно спросить, читал ли он книгу Романа Соловий.

*Андрей СУХОВСКИЙ,
Санкт-Петербург*

Диктат

«НЕМОЩНЫХ»

Глава 14-я Послания к Римлянам начинается так: «Немощного в вере принимайте без споров о мнениях. Ибо иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи. Кто ест, не уничижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его».

Николас Томас Райт в своих комментариях на это Послание пишет о том, что, «начиная наставления с призыва быть терпимым к «немощным», он [Павел], видимо, исходит из того, что большинство христиан «сильны»».

В этом плане довольно интересно обратиться к реалиям наших современных евангельских церквей. А реалии таковы, что создается впечатление, будто все обычаи наших церквей – вероучительные, мыслительные, поведенческие – базируются не только на предположении о том, что большинство христиан немощные, но и на некоем одобрении такого положения вещей, согласии с ним.

Мы еще готовы принимать содержание первого из процитированных предложений апостола Павла – о принятии немощного в вере. Но уже смысл призыва, обращенного к «немощным», – призыва к отказу от осуждения тех, кто к данной категории не относится, – явно выпадает из сознания как самих «немощных», так и церкви как таковой. Ибо церковь зачастую оказывается «приспособленной» именно для «немощных», причем приспособленной таким образом, чтобы эти «немощные» всегда оставались немощными (на этот раз пишу данное слово без кавычек).

Поделюсь двумя жизненными примерами.

Однажды, преподавая миссиологию в одной аудитории, я столкнулся с возмущением одного из присутствовавших пасторов. Возмущение было вызвано моими словами о том, что задача пастора вовсе не заключается в том, чтобы всегда давать готовые ответы на все вопросы и приучать членов церквей к тому, что на все вопросы они могут получить готовые ответы от пастора. Я сказал, что задача пастора – возвращать христиан, то есть приближать их к самостоятельности в мышлении, принятии решений и т. д.

Упомянутый пастор был с этим крайне не согласен. Он утверждал, что перед Богом он будет

(почему-то) отвечать именно за то, давал ли он эти готовые ответы. Я не берусь в данном случае предполагать, откуда вообще могло возникнуть в сознании этого человека такое представление. Это, что называется, без комментариев.

Второй пример более анекдотичен, хотя столь же реален. В мою бытность заведующим вечерним отделением одного высшего богословского учебного заведения произошел следующий случай. Подходит ко мне как-то группа пожилых братьев, по всему виду которых явно можно было сказать, что в церкви они не первый десяток лет, во всяком случае – со времен Советского Союза. И жалуются эти братья мне на то, что в «группе прославления» у нас почему-то поют «сестры в брюках», что является явным «соблазном».

Я, разумеется, был вынужден просто сказать братьям, что помочь им ничем не могу: не мог же я объяснять им, что не в их возрасте (как физическом, так и духовном) «соблазняться» женскими брюками и строить из себя «немощных».

Между тем оказывается, что в церкви всегда нет недостатка в желающих сослаться на свою «немощность». Но эти «немощные» готовы диктовать свои условия, причем именно с тем самым осуждением, против которого именно их, «немощных», предостерегал апостол.

В результате, как уже было сказано, – вся церковь оказывается приспособлена именно под них.

И сегодня уже даже излишне перечислять такие мелочи, как все то «бытовое» законничество, которое тянется еще с упомянутых советских времен и проявляется в банальной заикливости на «пище и одежде». Сегодня хочется обозначить более серьезную проблему.

Оказывается, церковь наполнена более серьезными запретами, созданными с оглядкой на «немощных». Это уже не просто запреты на «женские брюки». Сегодня это запреты на обсуждение в церкви неудобных тем, запреты на самостоятельное мышление, запреты на выход в этом мышлении с «дозволенного общего уровня».

Действительно, на одни темы наложено негласное табу, и многие мои знакомые даже из числа профессиональных богословов говорят о том, что еще очень и очень не скоро церковь вообще окажется в состоянии их обсуждать. Другие темы (пресловутая «политика») запрещаются вполне открыто и достаточно агрессивно...

И мы пришли к тому, что сегодня церковь просто-напросто согласилась оставаться собранием «вечно немощных», причем лелеющих и холящих свою «немощность». Но на одно у этих немощных сила есть всегда – а именно, на осуждение.

Между тем хочу обратить внимание на один стих в 14-й главе Послания к Римлянам, который обычно выпадает из контекста всех наших рассуждений о «принятии немощного». Это 9-й стих: «Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы властвовать и над мертвыми и над живыми», после которого мысль Павла развивается интересным образом: «А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты, что унижаешь брата твоего? Все мы предстанем на суд Христов» (Рим. 14:10).

Воскресение Христа (то есть самый центр евангельской вести) связывается с недопустимостью осуждения брата: раз Христос воскрес, то мы воскреснем и перед ним предстанем на суд. Недопустимость осуждения выводится из воскресения! Это не скучное моральное назидание, а логический вывод из всего смысла христианского учения.

Итак, диктат «немощных», который, кстати, вообще не бывает без осуждения, не является безобидным вариантом церковного устройства. Это серьезная проблема.

Само наличие немощных – не проблема. Но эти немощные (если писать это слово без кавычек) при нормально организованной жизни церкви должны со временем выводиться из своего немощного (или младенческого) состояния. Невозможно иначе как некий казус воспринимать ту ситуацию, при которой «немощность» становится образом жизни христианина и целой церкви и начинает безапелляционно диктовать свои условия.

*Алесь ДУБРОВСКИЙ,
Минск*

Магазин секонд-хенда

«Мост дружбы»

открыт при поддержке христиан Швеции.

Адрес: Финляндия, Лаппеенранта, р-н: Lauritsala,
Luukkaantori 7 LH 5.

Телефон в Финляндии: +358 040 5646256

Время работы: Вт.-Пт. 11.00-18.00, Сб. 11.00-15.00

Контактный тел. в Выборге: +7 905 2218483 – Игорь

Тема Реформации нас ни за что не отпустит

О прошлом и настоящем

Церковь травмирующая

Изложу несколько соображений, не привязывая их ни ко времени, ни к месту. Кто хочет, может считать, что здесь речь идет о временах Лютера, о далекой Европе XV-XVI веков. А кто пожелает, может считать, что я говорю о России XXI столетия. В обнаруженных совпадениях автора прошу не винить. Итак, для начала о титульной церкви.

Церковь – это и средство богообщения, и богочеловеческий институт, призванный исцелять те раны, которые мир наносит заброшенной в него человеческой душе. Однако коварство этого мира таково, что он способен шутить самые дурные шутки даже с такой высокой и благородной институцией. Когда подобные шутки удаются, то, словно по мановению злого духа, все плюсы изменяются на минусы, и церковь исцеляющая превращается в церковь травмирующую.

Происходит это не сразу, а постепенно, поэтапно, на протяжении достаточно продолжительного времени. Когда же метаморфоза завершается и церковь входит в состояние глубокого духовного паралича, то невозможно без содрогания видеть ее изменившийся духовный лик. На нем, как на портрете Дориана Грея, проступают безобразные следы всех нравственных преступлений, совершенных предавшими Христа лжепастырями. Она предстает как воплощенные едва ли не абсолютной дисфункциональности, становится холодной, бездушной машиной по генерации, приумножению и распространению травматического опыта.

К этому времени лжепастыри, то есть церковные функционеры, успевают овладеть разнообразными приемами по нанесению прихожанам, неопитам и заинтересованным наблюдателям всевозможных душевных травм разной степени тяжести. Тех, кто ожидает от них действенной духовной помощи, они, будучи внутренне выхоленные, не могут дать ровно ничего. Зато собственным негативом делятся охотно, заставляя

людей испытывать тяжелые разочарования, переживать моральные диссонансы и экзистенциальные кризисы.

Господь плачет, глядя на церковь, оккупированную такими псевдопастырями, а дух тьмы торжествует при виде этих авгиевых конюшен, переполненных нравственными нечистотами сверх всякой меры.

Все это означает только одно: приближение времени Реформации.

Реформация как реализация ожидаемого и осуществление неожиданного

Для Европы XVI века Реформация явилась неожиданным историческим сюрпризом, который лишь в малой степени подчинялся законам причинности. То, что произошло, одним казалось поражением и катастрофой, а другим представлялось как чудо.

Наметилась новая, пока еще не ясная траектория духовной жизни западного мира. Европа распрощалась и с осенью, и с зимой средневековья. Примелькавшиеся в своей избыточной навязчивости внешние формы сакрального, затертые от небрежения смыслы, заболтанные лжепастырями словеса пожухли, подобно листьям, побитым холодом. Вместо них духовному взору открылось нечто, как будто и давно знакомое, но отчего-то имевшее необычайно свежий, притягательный и обнадеживающий вид.

Библейский текст стал площадкой настоящего информационного взрыва. Для Лютера, его учеников, сторонников и последователей необыкновенным образом резко возросла информативность Библии. У людей открылись ранее не задействованные ресурсы духовного зрения. Перед ними развернулось обновленное, расширившееся пространство евангельских смыслов, усложнилась их конфигурация и одновременно распахнулись ранее не замечавшиеся перспективы духовной, нравственной, интеллектуальной, творческой жизни. Обозначились такие возможности христианского присутствия в мире, о которых человек титульной церкви забыл и думать.

Для человека Реформации в этом не было ничего избыточного или несоразмерного. Отныне не только южный католический человек Микеланджело, Рафаэля и Тициана, но и северный протестантский человек Дюрера и Шекспира мог сознать себя «красой Вселенной, венцом всего живущего». Ренессансным мыслителям и худож-

никам потребовались для этого двусмысленные по своей духовной природе эстетические ресурсы языческого мира, не знавшего Христа.

Лютер же великолепно обошелся без языческих инъекций. Он вернул Иисуса Христа в центр картины мира, взяв в качестве точки опоры Библейский Текст («Sola Scriptura»). Он помог европейскому человеку реанимировать свою истощенную христианскую идентичность. Он сумел помочь человекообразному существу Босха-Брейгеля превратиться в «красу Вселенной» Дюрера и Шекспира и тем самым задал мощный посыл для новой главы духовной истории европейского человечества.

Духовная война профессора Лютера

Духовной войны такого масштаба, как Реформация, не было внутри христианского мира ни до Лютера, ни после него. Это гигантское сражение охватило практически всю Европу.

Духовная война, чтобы быть успешной, победоносной, должна иметь высокий смысл. И задача человека состоит в том, чтобы, вступая в такую войну, во-первых, видеть этот смысл, сознать всю его значимость и масштабность и, во-вторых, уповать на помощь Господа, осуществлять каждый шаг в тесном взаимодействии с Ним и в полном послушании Его воле. Тогда христианский воин не беззащитен и имеет все шансы на победу. «Господь будет побороть за вас, а вы будьте спокойны» (Исх. 14:14). То есть Бог в таких случаях фактически говорит: «Это Моя война». И если человек твердо верит, что его война – это одновременно и война Господа, то он непобедим.

Лютеру очень хотелось, чтобы его духовная война была не «против», а «за» – за кристальную чистоту христианского учения, за очищение человеческих представлений о трансцендентном от лжесакральных наслоений, за право каждого христианина читать Библию на родном языке, за право мирянина толковать текст Священного Писания и проповедовать Слово Божье, за независимость церковных общин от государства, за их право на самоуправление и за многое другое. Но поскольку у этих инициатив были влиятельные и многочисленные противники, то война «за» превратилась еще и в войну «против». Пришлось сражаться против таких сил, как:

- власть папского Рима и церковной бюрократии;

- диктатура церковной жесакральности с ее избыточностью внешних обрядовых стереотипов, не способствовавших укреплению личной веры;
- неоязыческие (ренессансные) умонастроения с их экспансионистским духом;
- атеизм, набравший силу в просвещенной среде европейских интеллектуалов;
- распространенное бытовое безверие масс;
- разнородные демонические структуры.

Многовекторная духовная война требовала незаурядных бойцовских качеств, отменной интеллектуальной вооруженности и больших духовных ресурсов. Лютер всем этим располагал и был великолепно подготовлен для предстоящих битв. Эразм Роттердамский не случайно сравнивал его с Геркулесом, посланным очистить авгиевы конюшни римской церкви.

Фундаментальное теологическое образование, немалый опыт проповедника, профессио-

нальные навыки университетского преподавателя, огненный темперамент опытного диспутанта – все это делало его могучим христианским воином. У него имелась также необходимая полнота понимания всей сложности и опасности той церковно-политической ситуации, в которой он находился. И к этому следует добавить главный козырь Лютера – его глубокую и непоколебимую убежденность в том, что верующий в Христа не должен отступать ни при каких обстоятельствах, даже если его вера в Спасителя останется в нем одним.

Ключ к тайнам личного духовного обогащения

Гете однажды заметил: «Для того чтобы составить эпоху в истории, необходимы, как известно, два условия: первое – иметь недюжинный ум и второе – получить великое наследство. Наполеон унаследовал Французскую революцию, Фридрих Великий – Силезскую войну, Лютер – поповское мракобесие...»

Это суждение блистательного, но иногда сбивавшегося на банальности поэта трудно отнести к разряду корректных. В той части, где речь идет о Лютере, «поповское мракобесие» никак не тянет на статус «великого наследства». Но это совсем не значит, что у Лютера не было настоящего великого наследия. Оно имелось, но называлось иначе – Благой Вестью.

Заслуга реформатора состояла в том, что он, в отличие от абсолютного большинства своих современников, сумел самым замечательным образом распорядиться библейским наследством. Ему удалось существенно обновить принципы и способы личного духовного обогащения христиан за счет приумножения имевшегося в их распоряжении богатства библейских смыслов. Он выработал стратегию экзистенциально мотивированного приращения этих смыслов и предоставил инструкцию пользования ею в распоряжение всем желающим.

Благодаря Лютеру, духовное богатство Божьего Слова, с которым несопоставимы никакие земные сокровища, стало возвращаться вначале к тысячам, а позднее к миллионам людей, успевших духовно обнищать под патронатом региональных титульных церквей.

В ЦЕНТРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА! ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

5000 наименований книг
Широкий выбор литературы:

- Отцы церкви и история церкви
- Современные авторы
- Назидательное чтение
- Исцеление внутреннего мира
- Проблемы семьи и брака
- Богословие
- Детская литература

Среда с 16:00 до 19:00

Пятница с 16:00 до 19:00

Воскресение с 13:30 до 16:00

Добро пожаловать!

Да благословит вас Господь!

Адрес: Шведская церковь
ул. Малая Конюшенная, д. 1,
Комната 19А, (2-ой этаж)

Контакты :

8-904-333-6939

8-953-378-2196

«Огненное искушение и «приключение странное»

Обособление Украины от Московии очень похоже на то, как происходило отделение протестантизма от католичества во времена Реформации. В обоих случаях из удушающих объятий мертвеющей мегаструктуры вырывается молодой и неукротимый дух, у которого отныне своя траектория бытия.

Конечно, каждому из процессов присуще ярко выраженное качественное своеобразие. Однако, оно не заслоняет поразительного сходства множества разыгрывающихся духовно-нравственных коллизий.

В основаниях каждого из этих исторических процессов располагаются сходные ансамбли религиозных, социальных, антропологических, культурных и прочих механизмов. Правда, если для европейского сознания времен Реформации доминирующей была религиозная мотивация, то современное, успевшее основательно секуляризоваться, сознание двух указанных субъектов захлебывается в волнах политической ангажированности.

Однако если попытаться копнуть глубже, то за сегодняшним внешним мельтешением социально-политической суеты можно усмотреть глубинную логику действия того «огненного искушения», о котором говорил апостол Петр (1 Пет. 4:13). Сценарий связанного с ним «приключения странного» прописан не на земле. И вряд ли из этой огненной купели выйдут победителями те, кто норовит жить исключительно низменными страстями и шкурными интересами.

*Владислав БАЧИНИН,
Санкт-Петербург*

На сайте газеты «Мирт» www.gazeta.mirt.ru опубликованы другие статьи этого автора:

«Договор с демоном государственности»

«К портрету церковного функционера»

«Политическая теология постмодернистских войн»

«Приключения четырех левиафанов»

О патриотизме пророка, лозунговом мышлении и опыте трагичного

«По правде говоря, я молюсь о поражении моего народа в войне, ибо это единственный путь расплатиться за страдания, причиненные моей страной миру!» (Дитрих Бонхёффер)

«История учит лишь тому, что она никогда ничему не научила народы». Это известное высказывание Гегеля лишь в очередной раз подтверждается событиями, разворачивающимися перед нашими глазами. Во все времена возникали империи под пламенные речи сильных мира сего и в определенный момент уходили на свалку истории, оставив после себя лишь воспоминания.

Но спустя какое-то время знаки, символы, знамена и слова канувших в лету империй вновь с этой свалки подбирались, тщательно чистились, отмывались, полировались до зеркального блеска, отбрасываемого идеологиями нового мира, и вновь использовались для создания очередного левиафана истории.

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». Слова, сказанные Екклесиастом, лишь вновь напоминают нам о порочной привычке человеческих обществ жить в тумане прошлого, блуждать «в тени молчаливого большинства», создавать «ад того же самого», ходить по кругу истории.

И во все времена были люди, желающие выйти за пределы заколдованного круга истории, преодолеть его центроостремительную силу, посредством своей пассионарности создать новую историческую реальность. Для них свойственно видеть происходящее в другой перспективе, не поддаваться всеобщей истерии, предлагать альтернативную оценку событий, отличающуюся от общепринятой.

Таким человеком был пророк Иеремия, живший во времена, когда его народ отступал от Бо-

га, попирая Его завет и пренебрегая Его заповедями. На долю пророка выпала трудная миссия – не только обличать свой народ, но и предвозвестить грядущий плен.

Согласитесь, не очень патриотично постоянно твердить своим соотечественникам о том, что им необходимо сдаться царю Вавилонскому: «Кто останется в этом городе, умрет от меча, голода и моровой язвы; а кто выйдет к Халдеям, будет жив, и душа его будет ему вместо добычи, и он останется жив» (Иер. 38:2).

Конечно, такое пораженческое настроение, такой бесперспективный взгляд на международные отношения, такой непатриотичный призыв не мог оставить вождей Иудеи равнодушными: «Тогда князья сказали царю: да будет этот человек предан смерти, потому что он ослабляет руки воинов, которые остаются в этом городе, и руки всего народа, говоря к ним такие слова; ибо этот человек не благоденствия желает народу сему, а бедствия» (Иер. 38:4).

Другое дело, если бы Иеремия, осознав всю трагичность момента, понял, что в такой трудный период для народа необходима поддержка, необходимы духовные скрепы, одобрение действий царя, – тогда он, действительно, поступил бы патриотично. Но, видимо, патриотизм Иеремии заключался в чем-то другом. Ему была открыта воля Небесного Правителя – этот народ, ради своего же блага, должен был пережить нечто настолько трагичное, что изменило бы его, обновило и, самое главное, – обратило к Богу.

Наверняка, среди соотечественников Иеремии были более оптимистично настроенные «пророки». Думаю, они ожидали, что Бог, согласно завету, который Он заключил еще с Давидом, защитит царскую династию и не допустит поражения. Их ура-патриотическая риторика основывалась на сакрализации места поклонения Богу и выражалась в лозунгах, которые, как какие-то магические заклинания, могли, по их мнению, уберечь их от опасности.

Но Иеремия предупреждает народ: «Не надейтесь на обманчивые слова: «здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень» (Иер. 7:4).

Как это знакомо. «Сакральное, священное, храм Господень», – повторяет народ как мантру. И не важно, что Бог, Которому они должны поклоняться в этом храме, давным-давно забыт, что Его заповеди попираются, что творится беззаконие.

Главное – храм Господень. Выкрикиваемый лозунг вбирает в себя только ту необходимую

часть жизненной реальности, которая обеспечивает стабильность мировоззренческой парадигмы, не дает этой самой парадигме треснуть по швам. Мышление втискивается в эту парадигму, словно в прокрустово ложе, и, усохнув до простых лозунговых схем, видит отныне мир исключительно в черно-белом цвете, где есть только свои и чужие, герои и предатели, патриоты и враги народа.

Лозунговое мышление неспособно на критическую рефлексию по поводу происходящего. В него не пробиться. Оно закупорено. Что бы ты ни говорил, как бы ни аргументировал свою точку зрения, какие бы доказательства ни приводил, ничто не сможет проникнуть сквозь толстую стену идеологизированного сознания.

И тогда остается только одно – опыт. Только через опытное познание есть шанс, что придет прозрение, придет осознание, придет раскаяние. И этот опыт для израильского народа был трагичным, основанным на боли, лишении и смерти многих.

Конечно, не все народы, испытав подобный трагичный опыт национального масштаба, смогли вынести из этого опыта какие-то уроки. Но в истории есть примеры, когда стремление к реваншизму и национализму, приводившее к отрицанию истинного Бога, было остановлено опытом трагичного. Ярким примером является Германия прошлого века, переболевшая чумой фашизма, бросившего вызов, помимо всего человечества, прежде всего, истинному Богу. До сих пор этот опыт учит и заставляет немцев с огромным раскаянием смотреть на свою историю.

Думаю, Иеремия отлично понимал, что уже ничего нельзя изменить в смысле перемены мышления своих соотечественников. Он понимал, что осознание ими своих заблуждений возможно только посредством опытного познания богооставленности. И именно поэтому Иеремия смирился и в своем непатриотичном патриотизме призывал народ не бравировать своей особой духовностью и причастностью к великим святыням, а осознать свое заблуждение и принять ту участь, которую приготовил для него Бог.

Кто знает, быть может, именно такого патриотизма нам сегодня и не хватает.

*Дмитрий ПРОНИН,
Омск*

О старых заблуждениях и их печальных итогах

Сегодня в постсоветском евангельском (и не только) христианстве (а определение «постсоветский» применительно ко многим церквям, как это ни странно, оказалось чрезвычайно оправданным) в качестве удобного лозунга активно стали повторять старое заблуждение о том, что «церковь вне политики».

Не будем сейчас вдаваться в подробности о том, откуда взялась эта мысль, которая так загнипнотизировала верующих, что они повторяют ее как некую аксиому. Нормальное прочтение Библии не оставляет камня на камне от этого заблуждения.

Вера современников авторов библейских текстов – от самого древнего текста Ветхого Завета до самого последнего по времени появления текста Нового Завета – это вера, которая никогда не находилась вне чего бы то ни было, в том числе вне политики. Понятие «вне» – это не о библейской вере.

Бог Израиля имел дело именно с политикой: с обетованной землей, с исходом, с судьями и царями, с пленом и с освобождением из плена, и когда древний израильтянин говорил о деяниях Бога – все они были описываемы в очень конкретных исторических категориях, четко соотносящихся с вполне земными понятиями, в том числе политическими. Ибо вспомним, что лишь наша современность разделяет формы общественного сознания и полагает между ними непроходимые (насколько непроходимые?) границы: политику, науку, философию, религию, этику, право, эстетику... Для древних не было такого разделения. Сама мысль о «религии» «вне политики» для современника ветхозаветных пророков была невозможна.

Если не убеждает ветхозаветный контекст, обратимся к истории новозаветной. За что шли на смерть первые христиане? Ведь Рим был очень терпим в вопросах «религии».

Проблема была одна, и выражается она именно в политических терминах. Рим при всей тер-

пимости требовал, чтобы Господом был признаваем император и никто иной. В этом плане вся беспринципность в вопросах «политики» современных христиан должна была бы оскорбить первохристианских мучеников.

А вот сейчас и поговорим об этой беспринципности.

Проявляется она довольно безобидно – на первый взгляд. Когда более двадцати лет назад я пришел в церковь, меня и тогда это несколько удивляло. Но лишь сейчас я увидел все катастрофические последствия наших привычек мышления.

И вот о чем я говорю. Если кто-либо в церкви, как оказывалось, имел политические взгляды, которые не лезли ни в какие ворота, об этом было просто не принято долго спорить. Это мелочи, условно говоря, если ты вздыхаешь по Советскому Союзу и голосуешь за коммунистов. Не будем тебя переубеждать. Не будем устраивать разделения и огорчения там, где можно без это-

Видеолекции

«Беседы по истории русского евангельского христианства»

Выпуск 1:
IX век – середина XVII века

Выпуск 2:
XVIII – XIX вв.

Каждый выпуск включает:
5 дисков DVD и 1 диск mp3

Сборник, является первым систематизированным лекционным видеоматериалом, посвященным истории русского евангельского христианства, который приоткрывает завесу этой малоизвестной части русской истории.

Автор бесед М.С. Каретникова является одним из немногих современных историков русского евангельского христианства, автором многих статей и монографий, посвященных истокам «русского протестантизма».

Стоимость одного выпуска 600 руб.

Заказать:
sales@mirt.ru
Тел. +7 (911) 009 7939
Тел. +7 (812) 575-5212
www.mirt.ru

го обойтись. Церковь вне политики, и нас все это вообще не должно интересовать.

Недавно я даже услышал грамотное обоснование подобной позиции (если только может быть грамотное обоснование заблуждения): один верующий человек, причем с юридическим образованием (и даже с богословским в придачу), говорил о том, что церковь призвана объединять людей, поэтому политических разделений в ней быть не должно.

Звучит красиво, и церковь действительно должна объединять людей, и делает она это из рук вон плохо (но об этом в другой раз). Но что означает «не должно быть» политических разделений? Как это «не должно быть» будет реализовываться на практике? Через замалчивание реальных проблем действительности? Через попустительство политологической безграмотности некоторых верующих? Через бесконечное повторение этого заклинания – «церковь вне политики»? А ведь само заклинание – просто удобный способ не очень сильно напрягаться в мышлении.

Одно дело «не должно быть», а другое дело – реальность, в которой, как мы видим, никакое единство невозможно, если его хотят достичь путем искусственного сохранения некоей «безразличной тишины». Сегодня многие предполагают, что отсутствие позиции – в лучшем слу-

чае, а в худшем – позиция лицемерия – это и есть реализация пресловутого тезиса «церковь вне политики».

Подумаем теперь о том, насколько это безобидно. Действительно, какая разница, за кого я голосую, как я оцениваю события в соседних странах и т. д.? Оказывается, отнюдь не безобидно, и вот почему. Дело в том, что в Библии достаточно явственно выражена та мысль, что вопросы земной власти почему-то очень интересуют врага рода человеческого, именуемого сатаной. То, к чему хотят остаться безразличными верующие, очень небезразлично для дьявола. Вспоминается и искушение Христа в пустыне, и весь контекст Откровения Иоанна, и многие другие тексты...

Можно ли иметь дикие политические взгляды, но при этом иметь «полный порядок» на «духовном уровне» своей жизни? Полагаю, что нет.

Приведу наглядный, жизненный и прискорбный пример. Во время очередных выборов приходит одна сестра в церковь и во всеулышание говорит: «Мне было откровение: голосовать нужно за такого-то». После этого называется фамилия человека, о котором в принципе всем и все ясно. И возникает довольно прозрачный вопрос: если ты получаешь такие откровения, то от кого ты их получаешь?

Если сегодня мы проявляем безразличие, допускаем лицемерное замалчивание по поводу всего безобразия, творящегося с подачи властей, делаем вид, что все в порядке, что нас ничто не касается, то завтра люди, которые уже оказались во власти демонических сил по вине такой аморфной позиции церкви, эту церковь поведут и приведут к яме. Ибо «если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

*Алесь ДУБРОВСКИЙ,
Минск*

Библейские Беседы для детей

Это серьезно, но интересно пересказанные для детей истории из Библии. Сопровождаются рекомендациями для родителей. Раскраски и загадки помогут детям лучше понять пересказанные истории, а небольшие пояснения — приложить Библейские истины к событиям наших дней. Прочитав вместе с вами эти беседы, ваш ребенок узнает об Иисусе Христе, нашем Спасителе, о начале начал нашего мира. Вы сумеете подготовить своего ребёнка к познанию более важных Истин. И это принесет в вашу семью особое благословение и создаст хороший фундамент для будущей жизни ребенка.

Распространяются бесплатно.

Заявки можно присылать на адрес: 199004, Санкт-Петербург, а/я 55, Фонд «Конкордия»

Можно написать нам на e-mail: konkordiaspb@mail.ru или просто отправьте SMS на номер: +7 911 821 70 02

Церковь и политика

«И все-таки она вертится»

Прочитал статью А. Дубровского и решил изложить свои устаревшие, по мнению автора, и не очень популярные соображения по поводу Церкви и политики.

Ветхозаветный Израиль строил царство земное и, естественно, политика была с ним неразрывна. Сейчас Израиль делает то же самое.

Когда же пришел Христос, то заявил, что Царство Его не от мира сего, и, следовательно, Он не поднимал восстания, не ругал власть, не пошел освобождать Иоанна Крестителя (а ведь мог бы!), не баллотировался в президенты, хотя поддержка в какие-то моменты была Ему обеспечена. Не пошел даже в депутаты от Галилейского округа, не ввязывался ни в какие разделы и передвижки границ.

Христос вне политики? И да, и нет. Он не оспаривает заявления сатаны в том, что царства мира принадлежат диаволу и не спешит отвоевывать их у него. Но в тысячелетнем Царстве Он установит Свою безоговорочную власть!

А пока Христос созидает Церковь Свою во враждебном ей мире. И ее, то есть Церковь, не должно волновать, чей Крым (приобрел – не радуйся, потерял – не плачь). Жительство и прописка Церкви на небесах, а там все острова и полуострова котируются не более, чем конфетные фантики перед золотым червонцем.

Категорически не соглашусь о первых христианах, что они были «в политике». Они почитали власть, но не почитали ее как Бога и были послушны в первую очередь Ему. За это они шли на смерть – не под Марсельезу, а со смирением (очень ныне не почитаемым), воздавая славу Богу. Их мученичество никак нельзя воспринимать, как политическую акцию.

Представьте себе римского центуриона, который прошел полмира, покоряя народы, который считает, что все люди должны покориться Риму. Представьте также еврейского зелота, мечтающего о мировом господстве во главе с Мессией. И вот эти два человека уверовали и сидят в катакомбах, слушают проповедь о Царстве Небесном, теперь у них глава Христос, Который не в почете ни у римлян, ни у евреев. Спорят ли

они ожесточенно о политике и о своем превосходстве или готовятся стать жертвой за свою веру в Иисуса и за чаяния о Царстве Божьем?

Павел передает привет из дома кесарева?! Из дома кесаря? Да откуда же все наши беды, Павел, да ты продался Риму, мы налагаем на тебя санкции, и к нам в Филиппы не появляйся, для тебя все границы закрыты. Привет он передает, созвал бы верующих, благо их в Риме много, да выразил бы протест, а он привет передает... Удивительно, насколько «баптисты» в первом веке были аполитичны!

Первохристианских мучеников, скорее всего, оскорбила бы наша чрезмерная приверженность политике.

Представьте себе окрик из Иерусалима: «Паша, ты вконец все перепутал: гражданство у тебя римское, имя сменил, так теперь ты еще и в Рим собрался, пишешь письма этим римлянам, нашим оккупантам, да и Петр туда же – к римлянам подался, в мировую столицу собирается». Вот это называлось бы – Церковь в политике, но ничего подобного не наблюдается. Во всем Новом Завете мы найдем несколько текстов о власти, где напрочь отсутствует какой-либо призыв к противлению.

Говорят, что в бытность Хрущева пришли к нему молодые верующие с жалобой, что им не дают учиться в ВУЗах. На что он ответил: «Вы строите царство небесное? Так и стройте, а мы строим земное. Вы уж, молодые люди, выбирайте, что вы хотите строить! И тогда – кто в ВУЗ, а кто – в «университеты».

Сейчас неловко слышать в СМИ, как православные иерархи друг друга «не любят», протестанты тоже не очень любезны. По словам А. Дубровского, Церковь объединяет людей из рук вон плохо, но это делает плохо как раз Церковь, по уши погрязшая в политике.

Теперь мы – москаль и укря, посылающие друг другу проклятия. А в советское время Церковь (которую, слава Богу, не пускали в политику, держали подальше от высоких кабинетов, всячески клеймили – а авторитет ее рос и верующие, будучи гражданами великой страны, считали себя странниками и пришельцами), успешно объединяла и москалей, и укров, и даже немцев-«фашистов» и, даже страшно сказать! американцев. Жили-то в любви, друг другу помогали, под одним прессом взывали к Богу и всем не обращали внимания на то, что правители погрязли в холодной войне.

Верующие в политике приносят больше неприятности церкви, чем пользы. В народе бают, что баптисты начали войну в Украине. Так ли это? Конечно не так, но попробуй отмойся, докажи это, когда фото «кровавого пастора» в самом невыгодном ракурсе, то и дело мелькает в СМИ. Теперь нередко слышишь, что баптисты с обеих сторон готовы идти на войну: помолятся друг за друга в окопах и начнут гладить снарядами.

«Эй, баптист москальский, я тебя узнал, ты был на конференции в Киеве, сдавайся!»

«Ах ты баптист укропский, я вижу тебя через прицел, сейчас отправлю тебя к Белому Престолу...»

Новые мученики, друг друга убившие. За что мученики? За Крым, за свободную Украину, за Русский мир??? Наши деды предпочитали быть расстрелянными, чем убивать друг друга... Вот вам и Церковь в политике!

Григорий БЕРГ,
Мурманск

Счастье нищих духом

«Блаженны осознающие духовную потребность в Боге, ибо Царство Небесное принадлежит им» (Мф. 5:3)

Уже целый год россияне охвачены человеконенавистнической страстью. Воюют россияне за русскую идею. Русские разрушают русские города. Русские убивают русских.

Война пришла неожиданно. Начавшись в виде политических баталий, болтовней экспертов и политологов, захвативших все информационное пространство, война вошла в офисы, заполонила жилища и поразила нас в самое сердце.

Смертельное поражение переживаем мы. Война в умах. Война в разговорах. Война на полях сражений.

Власть, эксплуатируя победу дедов в Отечественной войне, перестаралась. Восторг и гордость от победы, случившейся семьдесят лет назад, безусловно дорога победителям, да и то больше как горечь, как боль от потерь, как память страданий.

Во внуках же такой военный шабаш разжигает лишь ненависть, неумеренную страсть доказать, что внуки достойны своих дедов. Дух войны, выпущенный на волю, нашел питательную среду в народных массах. Сегодня врагами народа становятся те, кто выступает за мир. Кто осуждает войну, тот и враг.

Владимир Высоцкий в «Песне о новом времени» очень точно указал на стигматы войны, которые остаются с народом на долгие годы:

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов.
Про войну будут детские игры с названиями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.

Как точно выразил поэт разрушительные последствия войны. И детские игры – военные игры. И деление на своих и врагов – острое, безжалостное, «по законам военного времени».

Наше время иное, лихое, но счастье, как встарь, ищи!
И в погону летим мы за ним, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей,
На скаку, не заметив, что рядом товарищей нет.

Библиотека
христианского
общества

«Библия для всех»

*Свыше 27 тысяч книг и журналов
православных, католических,
протестантских авторов.
Свыше 5000 дисков всех форматов
Общедоступная запись по паспорту.*

Адрес сайта: www.bible.org.ru
E-mail: library@bible.org.ru
Адрес: ул. Грибакиных, д. 40 (м «Обухово»)
Тел. (812) 368-43-47; (812) 368-43-37
Часы работы:
09.30-18.00 (обед 13-13.30),

Ищем счастье! Ведь ради счастья начинают войны. Мужчины идут погибать на войну защищать счастье. Ради счастья матери отправляют своих сыновей на смерть. И в горячке, новые и новые солдаты смерти вступают в смертельную схватку, «не заметив, что рядом товарищей нет».

Они упустили свое счастье. Вместо счастья – пуля. Вместо счастья – дети-сироты. Вместо счастья – разбитая параличом мать. Вместо счастья – горем убитая жена-вдова.

Думы естественно повели меня на поиск счастья. Что такое счастье? Бывает ли оно, счастье? Как его найти, как его обрести, счастье это?

Мысли, побродив по континентам, не обнаружили ничего, кроме войн, и углубились в историю, но и страницы истории заляпаны кровью. И вот, уже почти убедившись в бесполезности моих поисков, уставший, я взял Евангелие.

Книжица религиозная, и как всякую религиозную книжицу, иметь ее должно, но читать нудно. Однако привычные картинки мира, назойливо вторгающиеся с экрана телика, эти бесстрастные красотки и красавчики, рассказывающие и показывающие превосходство нашего смертоносного убеждения над убеждениями всех прочих народов, так опустошили мою душу, что я испугался самого себя.

Я взял Евангелие, выключил все шумопродвигающие аппараты и погрузился в мир неведомый доселе, язык которого и имена и образы людей, дела их, захватили мой дух, взволновав сердце незнакомым доселе предчувствием тайны, прикосновением к правде, не известной прежде. Я даже потерял границу между реальностью и Евангелием.

Я будто бы взаправду ходил по земле Палестины, от Вифлеема в Египет, из храма в пустыню, и вот, уставший и увлеченный, я присел на берегу большого озера. Народ сидел на берегу, и вдруг встает мужчина, обыкновенный, как и все вокруг, поднимается на возвышение, и начинает говорить.

«Это Иисус, Назарянин», – зашептали вокруг. Все внезапно смолкло, наступила тишина и я услышал: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

Признаюсь вам честно, я опешил. Я ведь знаю точно, я убежден в том, что счастье – это обладание чем-то существенным, например, властью, территорией или деньгами. Слова этого неизвестного Иисуса буквально шокировали меня. Я чуть не захохотал.

Блаженны нищие! Это категория людей, которых в приличном обществе и за людей-то не считают, это попрошайки, которые живут в подвалах, в пещерах, ходят в рямках и питаются тем, что находят на помойках. Нищие – это неудачники, отбросы общества, они вместе с бездомными собаками влачат свое жалкое существование.

Первая реакция исчерпала себя, излив презрение к нищим. Нет. Там нет и не может быть счастья. А где же оно, счастье?

Мысли развернулись к людям богатым, обладающим властью, деньгами, собственностью. И я оторопел. Туман рассеялся, мозги просветлели, я вдруг, как откровение, увидел явственно, отчетливо, что нет и там счастья. Нет там покоя. Нет там правды. Нет там обыкновенного человеческого довольства.

Не потому ли они, хозяева жизни, обладающие властью, бесконечно воюют? Это ведь они, ненасытные утробы, готовы на любую подлость, на любую ложь ради власти, ради еще одного миллиона прибыли. Это они, хищники, блудники, в поисках счастья создают притоны, где продают и покупают женщин. Это они создают казино, где просаживают миллионы. Это ведь они, богатые, ненасытимые, в поисках счастья своего ведут войны, сами отсиживаясь в хоромах и дворцах, подвигая простолоудин на смерть.

Бомжи и сраженные наркотиками, спившиеся и разоренные нищие – ведь это жертвы этой войны, которую ведут сильные мира сего за свое счастье. А счастья как не было, так и нет.

«Блаженны нищие духом» – звучат слова Иисуса, проникая в сердце, отдаваясь болью в висках.

«Нищие духом» – что это означает? Сложная материя. Не согласен я с таким условием для блаженства – счастья. Уже плакать впору. Живу в такое время подъема духа. Весь народ, как один, в духовном порыве в защиту чего-то готов дать отпор всему и всем.

Это ли не свидетельство высокого духа? А история какова? А победы какие? А территория? Это ведь неопровержимое доказательство высочайшей всенародной духовности.

Однако счастья-то ведь нет. Даже просто смысла в жизни нет. А наркомания есть. И пьянство есть. И сиротство есть. И ложь всепогодная и всепобедная есть. И война опять же, кровь и ненависть – где уж тут счастье искать.

Но как же так? Богатый дух, высокий дух – счастья нет. Нищие духом – счастливы, даже блаженны. Аж счастливее не бывает.

Вдруг сердце мое пронзила мысль. Меня обманули. Меня обокрали. Мою жизнь за грош купили, сделав меня рабом гнусной мечты: мол, весь смысл жизни, только в том и заключается, что никакого смысла нет.

Сквозь хаос моей души и сердца вдруг, как сквозь тучи, пробивается лучик света. Иисус говорит о Небесном Царстве.

Царство Небесное – что это? Счастье нищих – Царство Небесное. Нет, брат ты мой, это не партком. Никто еще из землян не говорил о Небесном Царстве.

Я почувствовал, еще не понял, только где-то в глубине души возникло сознание, как бы мысль извне, как кто-то невидимый нежно говорил моему сердцу: ведь ты – нищий.

И я, соглашаясь внутри себя, принимая эту дарованную правду, с болью и с облегчением, с горечью и сладостью, даже вскричал: «Так это же я и есть нищий духом!».

ное вдруг засияло светом неземным. Заискрилось. Заиграло, музыкой небес. Песнями зазвучало, бликами, неземными красками, небесными звуками.

Небесное царство – это ведь именно то, что искал я всю жизнь. Небесное царство – это и есть счастье настоящее, блаженство.

Иисус, я с Тобой. Все преобразилось. Сердце наполнилось миром, радостью. Исчез страх. Неведомый, далекий Бог в мгновение стал Отцом.

Отец, спасибо тебе. Я склоняюсь перед Тобой. Я – нищий. Наполни меня Твоей правдой. Наполни меня Твоей любовью. Наполни меня Твоим миром.

И стало так.

Юрий СИПКО,
Москва
<http://ysipko.ru>

Глупость в свете политической теологии

Дитрих Бонхёффер, знаменитый теолог XX века, в своем эссе «О глупости» задал вопрос – «Можем ли мы справиться с глупостью?» Хотя бы раз в году стоит поразмышлять над этой проблемой.

В библейской книге Притчей глупость не только высмеивается, но и осуждается. Но можно ли обличать человека за отсутствие здравого смысла? Откуда здесь этическое измерение? Не будет ли это подобным осуждению слепого или хромого?

Похоже, что для библейских авторов глупость – это не просто отсутствие остроты ума или недостаток знаний. Речь о некоей позиции. Глупец или невежа – это тот, кто не желает оттачивать свой ум, учиться, познавать мир. Это его выбор.

Проблема лишь в том, что последствия этого выбора сказываются не только на нем, но и на окружающих. Глупец легко становится добычей демагогов, орудием в чужих руках.

Нечестивой власти глупцы крайне необходимы. Ведь государство нельзя построить лишь на страхе, прибегая к насилию и запугиванию. Ос-

Обманутый. Обворованный. Горделиво кичащийся своей пустотой. Слово Иисуса, слово Евангелия сняло покрывало гордыни, и под ним обнаружилась зияющая, зловонная пустота. Я рванул к Иисусу, в горячем желании узнать поподробнее о Небесном Царстве.

Иисус! Подожди. Я – нищий духом. Я с тобой. Иисус взглянул на меня. Он обнял меня. Сказал: «Следуй за Мной».

Никогда ничего похожего я не переживал. Счастье рублевое, счастье болтливое, счастье пьяное – вот что было известно мне доселе.

Блаженство неба, блаженство мира, блаженство дара Божьего – описать такое невозможно. Царство Небес-

БАКАЛАВР БОГОСЛОВИЯ

Главной задачей программы является приобретение знаний и навыков в исследовании Библии, включая древнегреческий и древнееврейский языки, историческое и систематическое богословие. Кроме того, программа включает вводные курсы в разные практические дисциплины: служение пастора, миссионера и педагога.

Форма обучения – очная. Срок освоения программы - 4 года.

По окончании программы бакалавр богословия студенты имеют возможность продолжить образование в магистратуре по направлениям «библеистика», «теоретическое или систематическое богословие», «история Церкви», «практическое богословие».

info@spbcu.ru
www.spbcu.ru

новой режима является не карательная система, а глупость. Чем дальше от правды правитель, тем больше он будет пестовать глупость в своих подданных, чтобы удержаться у власти.

Бонхёффер пишет, что глупость есть

«...не что иное, как реакция личности на воздействие исторических обстоятельств, побочное психологическое явление в определенной системе внешних отношений. При внимательном рассмотрении оказывается, что любое мощное усиление внешней власти (будь то политической или религиозной) поражает значительную часть людей глупостью. Создается впечатление, что это прямо-таки социологический и психологический закон. Власть одних нуждается в глупости других. Процесс заключается не во внезапной деградации или отмирании некоторых (скажем, интеллектуальных) человеческих задатков, а в том, что личность, подавленная зрелищем всепоглощающей власти, лишается внутренней самостоятельности и (более или менее бессознательно) отрекается от поиска собственной позиции в создающейся ситуации. Глупость часто сопровождается упрямством, но это не должно вводить в заблуждение относительно ее несамостоятельности. Общаясь с таким человеком, просто-таки чувствуешь, что говоришь не с ним самим, не с его личностью, а с овладевшими им лозунгами и призывами. Он находится под заклятьем, он ослеплен, он поруган и осквернен в своей собственной сущности» («Сопrotивление и покорность»).

Бонхёффер дает точный и глубокий анализ политического, социального измерения глупости. К сожалению, диагностировать проблему здесь легче, чем лечить. Да и как лечить тех, кто убежден в своем абсолютном здоровье?

Возможен ли побег с «острова удовольствий», куда нас помещает рачительная власть? Или превращение в ослов неизбежно?

Бонхёффер пишет, что «...подлинное внутреннее освобождение в подавляющем большинстве случаев становится возможным только тогда, когда этому предшествует освобождение внешнее; пока этого не произошло, мы должны оставить все попытки воздействовать на глупца убеждением» («Сопrotивление и покорность»).

Так что остается подумать, как не стать глупцом самому...

*Андрей СУХОВСКИЙ,
Санкт-Петербург
<http://sukhovskiy.blogspot.ru>*

Собачье лицо

Когда то давно я прочитал у И. Бунина, в «Окаянных днях», интересную фразу «... И лицо поколения будет как собачье». Она запомнилась мне. Много позже я узнал, что это выражение взято из еврейской традиции. Причем оно связано с приходом Мессии и звучит примерно так: «Когда придет сын Давида, лицо поколения будет подобно собачьей морде» (Сота 49б)

Одно из пояснений говорит: «Лицо этого поколения подобно лицу собаки [бесстыдное] – сын не смутится даже в присутствии собственного отца». То есть люди потеряют всякий стыд и перестанут стесняться друг друга, как не стесняются собаки, которые совокупляются и испражняются на глазах у всех.

Есть еще объяснение. В природе собаки бегут впереди хозяина. На первый взгляд кажется, что собака бежит, куда вздумается, а хозяин тащится за нею, повинувшись ее воле.

Но все это только на первый взгляд; мы-то знаем, что дело обстоит как раз наоборот: хозяин идет, куда хочет, а собака бежит перед ним, прислушиваясь к его приказаниям. Как только хозяин меняет направление, собака поворачивает и снова мчит впереди, но уже в другую сторону.

Руководители народа вместо того, чтобы вести людей за собой, пойдут на поводу, как собаки, у самых низменных инстинктов.

Третье объяснение таково. Собака бросается на палку. Если ее кто-то бьет – она кусает палку, а не того, кто ее держит. «Ведь Асур – жезл моего гнева» (Ис. 10:5).

Когда на нас восстает очередной Асур или Аман, нам следует знать, что они – ничто иное, как палка, брошенная в нас с неба. И нет смысла злословить и грызть палку. «У Вездесущего много посланцев». Не лучше ли принять меры, предотвращающие использование таких «палок»?

Перед приходом Мессии разум покинет людей, и, как взбесившаяся собака, они будут бросаться на «палки». Вожди объявят войны друг другу. Они будут агрессивны. Потому что видят только палку и отказываются признать Того, Кто эту палку держит. «Но народ не обращается к Биющему его» (Ис. 9:13).

Шаги Мессии уже слышны!

*Игорь ЦЫБА,
Санкт-Петербург*

Уединение в нашей жизни

1. Тяжелый труд

Духовная жизнь – это дар. Это дар Святого Духа, Который поднимает нас в Царство Божьей любви. Но если мы говорим, что подняться в Царство любви человек может в результате Божьего дара, то это еще не значит, что нам остается только пассивно ждать, пока Бог дарует нам этот дар.

Иисус призывает нас приготовить наши сердца к Царству Божьему. Приготовление сердца к чему-либо означает не только серьезное ожидание, но и твердую решимость. Духовная жизнь требует от человека определенных усилий. Те силы, которые тянут нас назад, в греховную жизнь, преодолеть совсем непросто.

«Как трудно, – восклицает Иисус, – ...войти в Царствие Божие!» (Мк. 10:23). И очень трудно убедить нас в необходимости сделать это. Господь говорит: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16:24).

2. Тихий нежный голос

Здесь мы затрагиваем вопрос дисциплины и духовной жизни. Духовная жизнь без дисциплины невозможна. Дисциплина является обратной стороной ученичества. Практика духовной дисциплины делает нас более восприимчивыми к тихому и нежному голосу Бога.

Пророк Илия встретился с Богом не в сильном ветре, не в землетрясении, не в огне, а тогда, когда услышал тихий голос (3 Цар. 19:9-13). Благодаря практике духовной дисциплины мы становимся восприимчивыми к этому тихому голосу и, услышав его, готовы ответить на него.

3. От абсурда к жизни в послушании

Из всего того, что я сказал о нашей беспокойной и суетной жизни, становится ясно, что нас, как правило, окружает столько шума, что нам просто трудно услышать нашего Бога, когда Он говорит с нами. Мы часто становимся глухими и неспособными определить, когда Бог обращается к нам, неспособными понять, в каком направлении Он нас зовет.

Так наша жизнь становится жизнью абсурда. В слове абсурд есть латинский корень от слова

сурдус, которое буквально означает «глухой». Духовная жизнь требует дисциплины, потому что нам нужно учиться слушать Бога, Который постоянно с нами говорит, но Которого мы редко слышим.

Однако когда мы учимся слушать Бога, наша жизнь становится жизнью послушания. Слово послушный в латинском языке происходит от слова аудире, что означает «слушающий». Духовная дисциплина необходима для того, чтобы медленно, шаг за шагом, двигаться от абсурда к жизни в послушании, от жизни, полной беспокойного шума, к жизни, в которой есть свободное внутреннее пространство, где мы можем слушать нашего Бога и следовать Его наставлению.

Жизнь Иисуса была жизнью послушания. Он всегда слушался Своего Отца, всегда внимал Его голосу, всегда следовал Его путям. Иисус был «весь внимание». В этом и состоит истинная молитва: быть внимательными к Богу. Корнем всякой молитвы действительно является слушание, послушание перед Богом.

4. Целенаправленные усилия

Поэтому духовная дисциплина представляет собой усилия, направленные на построение внутреннего и внешнего пространства, в котором такое послушание можно практиковать. Посредством духовной дисциплины мы не даем этому миру заполнить нашу жизнь до такой степени, чтобы в нем не оставалось места для слушания Бога. Духовная дисциплина освобождает нас для молитвы, или, скажу лучше, позволяет Духу Божьему молиться в нас.

5. Время и место

Без уединения просто невозможно жить духовной жизнью. Уединение начинается там, где у нас есть время и место для Бога, и только для Него. Если мы действительно верим в то, что Бог не просто существует, но и активно участвует в нашей жизни, – исцеляет, учит и направляет, – тогда нам необходимо уделять время и место для того, чтобы внимать только Ему. Иисус говорит: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне» (Мф. 6:6).

6. Внутренний хаос

Привнесение уединения в нашу жизнь – самый необходимый, но в то же время и самый трудный

шаг. Даже если в нас живет искреннее желание настоящего уединения, мы испытываем определенный дискомфорт, когда наступает такое время в уединенном месте. Как только мы остаемся совсем одни, без людей – не с кем поговорить, без книг – нечего читать, без телевидения – нечего смотреть, без телефона – некому позвонить, в нас начинается некий внутренний хаос.

Этот хаос может оказаться настолько угнетающим, настолько обескураживающим, что мы едва можем дождаться того момента, когда мы снова вернемся к своим делам. Поэтому когда мы входим в отдельное помещение и закрываем за собой дверь, то это еще не значит, что мы тут же закрываемся от своих сомнений, беспокойств, страхов, плохих воспоминаний, неразрешенных конфликтов, чувств гнева и импульсивных желаний. Наоборот, когда мы закрываемся от внешних помех, мы начинаем чувствовать, что наши внутренние помехи проявляют себя с новой силой.

Часто мы пользуемся внешними факторами, чтобы защититься от внутренних беспокойств. Поэтому и неудивительно, что нам трудно оставаться в уединении. Столкновение с нашими внутренними конфликтами может оказаться для нас болезненным, а порой и просто невыносимым.

Поэтому очень важно учиться пребывать в уединении. Уединение – это не спонтанный ответ на жизнь, изобилующую разными событиями и делами. Существует множество причин, по которым человек не хочет оставаться один. Поэтому мы должны тщательно планировать свое уединение.

7. Запишите это черным по белому

Пять-десять минут в день может быть максимальным временем, которое мы можем выдерживать. Возможно, мы можем выдержать час в день, полдня в неделю, день в месяц, неделю в

год. Продолжительность времени может быть разной, в зависимости от темперамента, возраста, профессии, образа жизни, зрелости.

Но мы не можем подойти к духовной жизни серьезно, если не будем уделять какое-то время для того, чтобы быть с Богом и слушать Его. Можно записать это черным по белому в своем ежедневнике, чтобы потом уже никто не смог лишить нас в это время того, на что мы его отвели. И тогда мы сможем сказать нашим друзьям, соседям, ученикам, покупателям, клиентам или родителям: «Простите, но у меня уже назначено на это время другое мероприятие, и это уже не изменить».

8. Под обстрелом тысяч мыслей

Отведя какое-то время для уединения, мы начинаем развивать в себе внимание к Божьему голосу. В самом начале, в первые дни, недели и даже месяцы нам будет казаться, что мы просто зря тратим время. Время в уединении может поначалу представляться периодом, когда нас атакуют тысячи мыслей и чувств, появляющихся из скрытых недр нашего сознания.

Один из самых первых христианских мыслителей описывает первую стадию уединенной молитвы как переживания человека, который, прожив много лет в доме с открытыми дверями, вдруг решил их запереть. Гости, которые давно привыкли приходить в его дом без приглашения, стали стучать в его дверь, удивляясь, почему теперь они не могут к нему войти. И только поняв, что их не приглашали, они постепенно перестали стучать.

Примерно то же самое переживает всякий, кто решает проводить какое-то время в уединении после того, как столько лет прожил без духовной дисциплины. Поначалу многое будет постоянно отвлекать. Но постепенно, по мере того как вы будете все меньше и меньше уделять всему этому внимания, оно медленно уйдет.

Газета «Мирт» в социальных сетях

www.vk.com/gazetamirt

www.facebook.com/groups/gazeta.mirt/

9. Искушение бежать

Понятно, что главным здесь является верность дисциплине. Вначале кажется, что уединение настолько идет вразрез с нашими желаниями, что нас постигает искушение бежать от него. Одним из способов такого бегства являются фантазии или просто сон. Но когда мы остаемся верными дисциплине, будучи твердо убежденными в том, что Бог с нами даже тогда, когда мы Его не слышим, мы постепенно начинаем понимать, что мы не хотим тратить время, отведенное для уединенного общения с Богом. Хотя мы и не испытываем в уединении такого удовлетворения, как нам хотелось бы, мы уже понимаем, что день, проведенный без уединения, не такой «духовный», как день, проведенный в нем.

10. Первый признак молитвы

Интуитивно мы понимаем, что важно проводить какое-то время в уединении. Мы даже начинаем искать возможность уделять время этому процессу, который поначалу кажется нам

странным. Такое желание уединения часто является первым признаком молитвы, первым показателем того, что присутствие Божьего Духа уже не будет незамеченным.

Когда мы освобождаемся от множества беспокойств, мы познаем не только умом, но и сердцем, что в действительности мы никогда не бываем одинокими, что Дух Божий всегда с нами. Так мы начинаем понимать то, что Павел писал римским верующим: «От скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5:3-5).

11. Путь к надежде

В уединении мы узнаем Духа, Который уже дан нам. Боль и борьба, с которыми мы сталкиваемся в нашем уединении, становятся путем к надежде, потому что наша надежда основана не на том, что будет после того, как наши страдания закончатся, а на реальном присутствии исцеляющего Духа Божьего среди этих страданий.

Уединение постепенно открывает нам возможность прикоснуться к этому полному надежды присутствию Бога в нашей жизни, позволяет нам вкусить даже сейчас радость и мир, которые принадлежат новому небу и новой земле.

Уединение, как я уже здесь сказал, является одной из самых важных дисциплин в развитии жизни в молитве. Это и простой, и одновременно нелегкий путь избавления от рабства наших тревог и забот и начать слышать тот голос, который несет в нашу жизнь обновление.

*Генри НУВЕН,
из книги «Обновление»*

Генри Нувен (1932-1996) родился в голландском городе Нейкерк, и в 1964 г. уехал в США. Католический священник и психолог, он преподавал в нескольких престижных университетах, в том числе в Йельском, Гарвардском университетах, в Нотр-Даме. Он написал больше двадцати книг, и среди них «Дневник Дженеси», «Раненый целитель», «С открытыми руками», а среди самых последних можно назвать такие труды, как «Грациас» и «Пусть в Дейбрейк».

Духовные поиски Нувена привели его к тому, что он стал нести служение среди умственно больных людей в международном сообществе Лярше. Проведя один год во французском Трос-

СЛОВО
МАГАЗИН
ХРИСТИАНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

М

Невский проспект

«СЛОВО»

Малая Конюшенная

Более 15 000 наименований книг
по всем аспектам христианства.

Большой ассортимент
аудио и видео продукции, сувениров.

К вашим услугам:
интернет-магазин и отдел «книга-почтой»

191186, Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9
тел.: (812) 571 20 75, факс: (812) 312 52 00
e-mail: slovo@peterlink.ru www.slovo.net.ru

Режим работы: ежедневно с 11 до 20

ли, он переехал в канадский центр «Дейбрейк», что в Ричмонд Хилле, в провинции Онтарио, где работал с 1986 г. до самой своей смерти. В этом центре умственно больные люди и их ассистенты живут вместе как Божьи дети, пытаются тем самым воплотить Благоую весть в жизнь. Ассистенты осуществляют общую заботу о своих подопечных: готовят им еду, поддерживают порядок и чистоту, морально ободряют и молятся за них.

Жизнь с Тем, Кто рядом

Рецензия на книгу

Генри Нувен. *Духовная жизнь в секулярном мире.*
М.: Издательство ББИ, 2014

В настоящем издании собраны две работы одного из самых известных христианских авторов Генри Нувена «Жизнь возлюбленного. Духовная жизнь в секулярном мире» и «Дорога в Эммаус. Размышления о евхаристической жизни».

Безусловно, следует отметить заслугу издательства Библейско-богословского института св. Апостола Андрея, переводчиков и редакторов, сделавших возможным для российского читателя познакомиться с произведениями Генри Нувена, которые отличаются искренностью, духовной пронизательностью и огромной доброжелательностью.

Что объединяет эти две книги? Глубоко личный характер, который присущ всем произведениям этого незаурядного автора. Он не стремится придать «лоск» своим размышлениям, не пытается изложить беспристрастно какую-либо богословскую или этическую проблему, не ставит цель высказать какие-то оригинальные идеи или продемонстрировать нетривиальность отношения к догматам. Это, прежде всего, разговор от сердца к сердцу.

Книга «Жизнь возлюбленного. Духовная жизнь в секулярном мире» – это книга-приглашение. Приглашение к дружескому, искреннему и доброжелательному разговору.

Христианин стремится разделить с неверующими радость жизни в Духе. Понимая, в каком тяжелом положении находятся сейчас люди, несмотря на их возможное материальное благо-

получие или высокий социальный статус, он видит, как одиноки и изранены их души, как секулярный мир жестоко, настойчиво и бездушно давит саму суть человеческой индивидуальности, человеческой сущности.

Главная проблема, которая стояла перед автором, сложность, которую он сам осознавал и честно признавался, как ее ему очень трудно преодолеть, – найти такие слова, которые были бы близки и понятны людям, не имеющим, как он, опыта христианской жизни, не разделявшим с ним радости общения с любящим Богом, в жизни которых духовность – лишь малопримечательное слово.

Смог ли автор достичь цели? Сам автор совсем в этом не уверен, более того, он считает, что цель в том виде, в каком он ставил ее перед собой, им все же не достигнута. Как он сам говорит: в своих попытках донести до неверующих читателей радостную весть христианства он был подобен «человеку, который настолько восхищен искусством мореходства, что забывает: его слушатели никогда не видели озер или моря, не говоря уже о кораблях!»

В чем суть жизни в Духе, как видит ее Генри Нувен? Это жизнь в любви Бога, Который, назвав возлюбленным Сына Своего единородного Иисуса Христа, дарует Свою любовь и людям, вступившим на путь поиска полноты истины. Это непростой, болезненный путь, но, только вступив на него, можно обрести долгожданное сокровище жизни, которое пересилит смерть.

Автор в своей книге намечает четыре этапа этого пути и обозначает их словами, непосредственно относящимися к совместной трапезе, которой он придает глубокое символическое значение. Эти слова: «взят», «благословен», «преломлен», «отдан».

Раскрытию смысла этих четырех простых слов, применительно к христианскому восприятию жизни и смерти, посвящена основная часть книги.

Помимо этих слов, у Нувена мы встречаем также такие слова, как «истина», «избранный», «благодарность», «благословение», «молитва», «присутствие», «радость», «мир». Читая главы, объединенные в часть книги под названием «Стать Возлюбленным. Воплощение истины», начинаешь понимать, что слова эти имеют не теоретическое значение в смысле богословских терминов или этических понятий, а воплощают в себе практическую сторону жизни Возлюбленного. Эти слова звучат как вызов секулярному миру, который стремится уничтожить человека, атаковав, прежде всего, его религиозные, христианские представления и устремления.

Это имеет огромное значение не только для осознания человеком смысла своей жизни, но и для готовности с полным пониманием такого смысла встретить и свою смерть. Почему мы не любим говорить и думать о смерти? Кто этому мешает? Может ли смерть быть хорошей? Можем ли мы отвечать за то, как умрем? Это не самые удобные вопросы и на них сложно отвечать честно и прямо, поскольку эти ответы могут вызвать непонимание и отрицание. И все же Генри Нувен рискует отвечать на них.

Эти вопросы стоят наряду с другими не менее важными, откровенно ответив на которые человек может понять, что у него есть надежная защита от обид, гнева, депрессии, безнадежности.

Важно отметить, что, даже говоря о каких-то практических вещах, Генри Нувен не прибегает к менторскому тону. Он обращается к своему опыту не для того, чтобы свысока поучать людей, не прошедших того пути, который прошел он.

Каждый человек проходит свой путь, этот путь уникален, но он позволяет все же делать некоторые обобщения, которые могли бы стать помощью, утешением и ободрением для других. На этом пути много сложностей, миновать которые не довелось и самому автору.

Путь этот лежит в этом мире, и человеку, для того чтобы обрести подлинные христианские ценности, ну нужно выходить из общества, покидать привычный круг общения, разрывать социальные связи и отказываться от устремлений к каким-то благам, составляющим простые радости земной жизни. Суть в том, что избранный, благословенный, надломленный и отданный в духовной жизни человек получает полноту радости, которая, хотя и возможна без земных благ, но не исключает их. И эта полнота радости заключается в постоянном подтверждении того, что ты возлюблен Богом.

Этот путь – путь христианской жизни, путь жизни в Духе, который «дышит, где хочет». Об этом пути в своем личном и прямом разговоре и повествует Генри Нувен, потому что и он тоже остается в поиске, и, думаю, что был в этом поиске до конца своих дней. Этим путем он и хочет заинтересовать своего читателя, к которому обращены его слова: «Если тебе интересно, надеюсь, ты отправишься в путь», приглашая тем самым присоединиться к поискам.

Вторая часть издания «Дорога в Эммаус. Размышления о евхаристической жизни» построена на основе евангельского повествования о встрече и беседе Иисуса Христа с двумя учениками, когда они шли из Иерусалима в Эммаус.

Книга не является трудом, посвященным экзегетическому исследованию текста, в нем вы не найдете рассмотрения исторического и литературного контекста, критики источников и форм. Не в этом цель автора.

Цель книги, как ее обозначил сам Генри Нувен, заключается в откровенном разговоре о важной составляющей христианской жизни, которая соединяет догматику с повседневным опытом, – евхаристии, причастии.

Что нужно понимать, чтобы евхаристия не превратилась просто в регулярный ритуал, а стала реальной силой, превращающей жизнь человека, христианина в жизнь евхаристическую, то есть жизнь благодарения? «То, что нам открывается, когда мы участвуем в евхаристии, и то, к чему мы призваны в нашей жизни, – это по сути своей одно и то же».

Суть евхаристии раскрывается автором в исследовании пяти основных этапов ее переживания, которым посвящены отдельные главы книги.

Все начинается с описания двух печальных людей, раздавленных потерей, которая сделала их беззащитными перед горем. Они возвращаются домой из Иерусалима, где погибли их надежды, чтобы продолжить жить так, как будто в их жизни этих надежд и не было.

Ключевое слово, характеризующее их состояние, – потеря. Генри Нувен призывает посмотреть на потери через призму евхаристии, ибо тогда и смысл потери оказывается не таким, каким он видится в безблагодарной перспективе.

Все меняет неожиданная встреча с Незнакомцем. Этот Незнакомец стал тем удивительным попутчиком, благодаря Которому они вновь обрели исцеляющий, достойный благодарения

дар надежды. Само Его присутствие, Его участие в разговоре изменили этих людей.

Размышления Генри Нувена позволяют посмотреть на разговор учеников с пока неузнанным ими Иисусом под не совсем обычным углом зрения. Этот разговор был призван сделать явным присутствие Христа через Его Слово. И это не просто богословское размышление, это практика жизни в присутствии Слова Божьего, которой так не хватает современному христианству, сдающему позицию за позицией перед наступающим секулярным миром. «Слово Божье – это не такое слово, которое нужно будет применить в нашей жизни когда-нибудь в будущем. Это слово, исцеляющее нас в момент и в процессе слышания здесь и сейчас».

Автор призывает нас вместе с ним ответить на целый ряд актуальных вопросов христианской жизни, и поиски этого ответа невозможны без этого реального присутствия, причастности, благодарности. Это также неотъемлемая часть евхаристической жизни.

Путешествие двух путников приобретает новый смысл, и вместе с автором мы переходим к следующему этапу понимания евхаристии, к приглашению странника в дом, выраженному кратким, но многогранно значимым словом «верую». Это один из самых главных моментов евхаристии, который меняет все. И здесь также Генри Нувен предлагает вопросы практического значения, на которые также можно ответить лишь с христианской, евхаристической перспективы.

Так, шаг за шагом, автор ведет читателя по пути размышлений, позволяющих сделать ряд важных выводов. В евхаристии Иисус отдает все и это придает совершенно исключительный смысл взаимоотношений с тем, кто встретил, услышал и пригласил Его в свою жизнь.

Это изменяет и отношения человека с людьми, которые его окружают и делают его членом общины. Это изменение отношения к евхаристии, понимание, что совершение евхаристии не конец, а начало пути, на который человек выходит после встречи с Незнакомцем, в котором он узнал Иисуса. Именно поэтому евхаристия – это миссия, это не ритуал, а жизнь, проживаемая в благодарности.

В завершение хочется отметить, что эта книга, несмотря на личный характер и эмоционально насыщенный тон, является, безусловно, богословской. В ней богословие евхаристии, бо-

гословие общения пропускается через призму современных этических и нравственных проблем, показывая, что христианское богословие, одной из вершин которого является учение о евхаристии, является актуальным ответом на вызовы современного секулярного общества, бросаемые как Церкви в целом, так и каждому христианину в отдельности.

Эта книга поможет тем, кто ищет понимания, как сохранить душу в бездуховном пространстве, осознать и практически ощутить, что он не одинок в своем пути, что с ним в его жизни идет, присутствует и участвует Тот, Кто шел с Авраамом, Исааком, Иаковом, Исаией, Иеремией, Давидом, Соломоном, Петром, Павлом.

Что же еще нужно? Благодарность. Евхаристия. Об этом и повествует книга.

*Данила ГОНТАРЬ,
Москва*

Крест старый и крест новый

Без всякого предупреждения и, по большей части, незамеченным пришел в широкие евангельские круги современности новый крест. Он очень похож на старый крест, но отличается от него; подобие это поверхностно, отличия – фундаментальны.

С этого нового креста берет начало новая философия христианской жизни, а из нее проистекают новые методы благовестия – новый вид собраний и новый тип проповеди. Эта новая проповедь Евангелия пользуется тем же языком, что и старая, но содержание ее отличается, да и акцент не на том, что раньше.

Старый крест не вступал в сделки с миром. Для надменной Адамовой плоти он означал конец пути. Он приводил в исполнение приговор, вынесенный Синайским законом.

Новый крест не противостоит роду людскому; скорее он – добрый приятель ему, и, будучи правильно понят, служит источником океана чистого доброго веселья и невинных наслаждений.

Он оставляет Адама беспрепятственно существовать. Его жизненные побуждения остаются неизменными; он продолжает жить ради соб-

ственного наслаждения, только теперь он получает удовольствие от пения хором и просмотра религиозных фильмов, а не от непристойных песен и выпивки. Ударение по-прежнему делается на получении удовольствия, хотя развлечения теперь более высокого морального, если не интеллектуального, уровня.

Новый крест поощряет новый, совершенно другой подход к благовестию. Проповедник Евангелия не требует теперь отречения от старой жизни, чтобы иметь возможность обрести жизнь новую. Он проповедует не отличия, а подобие. Он стремится вклиниться в интересы публики, показывая, что христианство не выдвигает неприятных требований; оно скорее предлагает то же, что и мир, только на более высоком уровне. Чего бы ни вздумалось возжелать обезумевшему от греха миру, ему тут же искусно показывается, что это именно то, что предлагает Евангелие, только религиозный продукт лучше.

Новый крест не уничтожает грешника, он переориентирует его. Он приспособливает его к более чистому и приятному образу жизни и

оберегает самоуважение. Самоуверенному он говорит: «Приди и заяви о себе ради Христа». Эгоцентристу: «Приди и похвались в Господе». Искателю острых ощущений: «Приди и насладись захватывающим христианским общением». Благовестие отклоняется в направлении современной моды, чтобы сделать его приемлемым для общественности.

Философия, стоящая за такого рода вещами, может быть искренней, но эта искренность не мешает ей быть ложной. Она ложна, потому что слепа. Она совершенно упускает весь смысл и значение креста.

Старый крест – символ смерти. Он означает резкий, насильственный конец людского существования. Во времена Рима человек, который брал свой крест и отправлялся в путь, заранее прощался со своими друзьями. Он уже никогда не возвращался назад. Он шел к своему концу.

Крест не допускал компромиссов, он ничего не смягчал и ни от чего не воздерживался; он лишил человека жизни полностью... и для его же блага. Он не пытался быть дипломатичным со своей жертвой. Он поражал жестоко и безжалостно, и, когда он заканчивал свое дело, человека больше не было.

Адамову племени вынесен смертный приговор. Его не смягчить, ни отменить. Бог не может одобрить никакого плода греха, каким бы невинным и привлекательным он не представлялся глазам человека. Бог спасает человека, уничтожая его, а затем воскрешая для жизни новой.

Проповедь Евангелия, дружески проводящая параллели между путями Божьими и путями человеческими, фальшива для Библии и безжалостна для душ своих слушателей. Вера Христова идет не параллельно миру, а поперек ему. Приходя ко Христу, мы не поднимаем свою старую жизнь на более высокий уровень; мы оставляем ее на кресте. Пшеничное зерно должно упасть в землю и умереть.

Мы, проповедники Евангелия, не должны рассматривать себя как агентов по связям с общественностью, посланных установить доброжелательные отношения между Христом и миром. Мы не должны представлять, что посланы с поручением сделать Христа приемлемым для большого бизнеса, прессы, мира спорта или современного образования. Мы не дипломаты, а пророки, и наше послание предлагает не компромисс, а ультиматум.

ХРИСТИАНСКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

**109316 г. Москва
Волгоградский пр., д.17, стр.1, 2 этаж**

**Понедельник - Суббота - 10:00 - 19:00
(без перерыва на обед)**

Воскресенье - выходной

(495) 676 49 83

clcmoscow@yahoo.com

www.philadelphiabooks.ru

Собор и Библия

Статья впервые напечатана в 1917 г. в Петрограде, в Синодальной типографии. Текст предоставлен Российским библейским обществом.

Бог предлагает жизнь, но не усовершенствованную старую жизнь. Предлагаемая Им жизнь – это жизнь, истекающая из смерти. Она всегда находится по ту сторону креста. Всякий, кто хочет иметь ее, должен пройти под его перекладиной. Он должен отречься от себя и согласиться со справедливым Божиим приговором.

Что это означает для отдельной личности, осужденного человека, который хотел бы обрести жизнь во Христе Иисусе? Как можно претворить это богословие в жизнь?

Просто человек должен покаяться и верить. Он должен отречься от своих грехов и двигаться дальше, к отречению от самого себя. Пусть он ничего не покрывает, ничего не защищает, ничего не оправдывает. Пусть он не пытается договориться с Богом, но склонит свою голову под удар сурового Божьего недовольства и признает себя достойным смерти.

Пусть, сделав это, он с простодушной верой пристально взглянет в воскресшего Спасителя, и от Него придет жизнь, и возрождение, и очищение, и сила. Крест, положивший конец земной жизни Иисуса, теперь кладет конец жизни грешнику; и могущество, воскресившее из мертвых Христа, теперь воскрешает его к новой жизни с Христом.

Позвольте сказать всякому, кто хочет возразить или посчитать это всего лишь ограниченной личной точкой зрения на истину, что Бог скрепляет это послание печатью Своего одобрения со времен Павла до наших дней. Выраженное именно этими или другими словами, оно было смыслом всех проповедей, несших жизнь и могущество в мир на протяжении столетий. Мистики, реформаторы, деятели возрождения ставили на этом свое ударение, а знамения, чудеса и мощные действия Святого Духа свидетельствовали о Божьем одобрении.

Смеем ли мы, наследники такого могущества, исказить Истину? Смеем ли мы со своими тупыми карандашами подчищать линии на плане или исказить картину, явленную нам на Горе?

Упаси Боже. Давайте проповедовать старый крест, и мы испытаем былое могущество.

Эйден У. ТОЗЕР
<http://christian.by>

Русский народ переживает величайший кризис в своей духовной, государственной и общественной жизни. Перестраиваются исконные формы его быта, его вековых верований, преданий и обычаев. Высшее проявление его духовного творчества в настоящую ответственную минуту сосредоточивается в Церковном Соборе. Общим разумом Церкви взвешиваются и устанавливаются устои будущего духовного уклада русской народной жизни, определяются главные линии духовного мирозерцания и вдохновения народа.

Было бы непозволительно думать, что Церковный Собор обойдет своим вниманием первоисточник высшего созерцания и проникновения в строительство духовной жизни народа – Святую Библию. Не только отражение Божественного Откровения в виде церковного Предания, соборных канонов, но и само Священное Писание не может не войти в круг предметов обсуждения Собора. Как бы ни были практически пригодны для церковного строительства нашей Церкви уже вылившиеся в историческую форму отражения Божественного Откровения, все-таки это только замена, посильное воспроизведение, а не первоисточник христианского сознания. И непосредственная правда надежнее всего будет почерпаться из первоисточника, а не его отражения.

Пред Русскою Церковью по отношению к Библии стоит масса непорешенных вопросов. Серьезно эти вопросы у нас церковным сознанием, можно сказать, не ставились никогда: они решались, в неотложных случаях, случайно, не по существу и досконально, а по несчастной русской привычке – кое-как. Церковь от этих вопросов отмахивалась, решать их за нее приходилось частным лицам или частным установлениям, и их решение путем долговременного бытования приобретало значение будто бы узаконенной русской церковной практики.

Одним из создавшихся таким путем предубеждений по отношению к Библии была боязнь Библии, опасение, чтобы близкое, непосредственное знакомство с Библией не повре-

дило чистоте веры, даже существованию самой веры и сохранению рассудка у читателей Библии. Предвзвешенный, но он имеет самые ужасные, губительные последствия: Библию народ не читает, в народе она почти неизвестна; та незначительная степень распространения Библии в народе, какую можно установить, то есть преимущественно распространение Евангелия и Псалтири, зависит не от специально к тому направленного доброго намерения или распоряжения Церкви, а независимо от такого намерения, под влиянием церковного устава и по почину сторонних для Церкви учреждений и отдельных лиц. Даже самый перевод Библии на доступный пониманию народа русский язык появился по настоянию и почину не Церкви, а независимых от нее двигателей.

В настоящее время Церковь не может отказаться от своих попечений о приближении к народному сознанию Вечной Книги, не может потому, что она сама нуждается в наилучшем изъяснении своего бытия, в изыскании наилучших духовно-просветительных средств, которые самым тесным образом связаны с Библией. Разумеется, теперь совершенно отпадает мысль о несвоевременности приближения к народу

Библии, в виду будто бы опасности ее для чистоты народных верований или, как выставлялось в недалеком прошлом, в виду возможности коренного колебания общественных и государственных основ от знакомства с широтой библейского кругозора. Народу стало доступно теперь такое море самых разнообразных воззрений, заманчивых теорий и намеренных обманов, что расширение его кругозора глубиной библейского созерцания может иметь только оздоровляющее влияние. Народу все позволено – было бы невозможно не давать ему в руки книгу Вечного Слова.

Нашей церковной власти по отношению к Библии нужно решить три главных задачи: первая – элементарная: распространение Библии среди русского народа в возможно широкой степени, вторая – определение объема или состава славянской и русской Библии и третья – пересмотр текстов или переводов Библии.

Для распространения Библии наша церковная власть не имеет особого живого и ответственного органа. Главными организованными распространителями Библии являются в России три общества, существующих вне связи с церковною властью, из них одно британское, другое немецкое, лютеранское. Непосредственная деятельность власти в деле направления Библии в народ проявляется в механической работе синодального типографского станка, пускающего в ход время от времени библейский стереотип, и в малоподвижной деятельности двух синодальных лавок в двух столицах.

Нельзя не сказать, что для столь важного и ответственного дела, как христианизация общества через введение в него Слова Божия, такая деятельность церковной власти очень недостаточна. И это тем более, что дело это само по себе всегда приносит чистый доход, а кроме того, Синодом унаследовано было в 1826 году, после закрытия Библейского общества, более двух миллионов рублей, имевших прямым назначением распространение и усовершенствование текста Библии.

Потребность в авторитетном определении объема или состава Библии вызывается тем обстоятельством, что наша русская церковная практика в этом вопросе совершенно неустойчива: Библия издается у нас в составе канонических и неканонических книг, но изредка выпускаются издания и с одними только каноническими книгами, без книг неканонических (издания 1882 года «для учащихся», 1907 года в одну восьмую листа, и ныне печатающиеся).

МОСКВА
евангельская

- Карта церквей Москвы и Московской области
- Каталог христианских организаций
- Расписание церковных богослужений и мероприятий
- Фото- и видеорепортажи мероприятий

Эл. почта: moskva@drevolife.ru

«Москва евангельская» — интернет проект, направленный на освещение жизни и деятельности христианского сообщества Москвы и Московской области.

На проекте представлена информация о христианских церквях протестантских деноминаций, исповедующих Иисуса Христа своим Господом и Спасителем.

Адрес в интернете moskva.drevolife.ru

Каков подлинный взгляд Русской Церкви на этот предмет? Сближение книг неканонических с каноническими в одном составе расширяет объем Богопреданного Откровения, становится на точку зрения католической церкви, как это сделано уже в Послании восточных патриархов, и порывает связь с древней практикой нашей Русской Церкви. До вмешательства католиков в обработку нашей славянской Библии в конце XV века наша Библия в своем составе содержала только канонические книги; под влиянием всегда мощного первого почина, произведенного рукою доминиканца Вениамина, наша Библия с 1499 года внесла в свой состав и неканонические книги.

У католиков на Тридентском соборе это присоединение к канону нескольких новых, ранее неизвестных канону, книг было под осторожным обозначением второканонических книг. У нас не введено для нового привноса такого обозначения: в русских изданиях славянской и русской Библии неканонические книги прямо присоединяются к каноническим, чем ясно уравнивается их значение с книгами древнего канона. И в практике нашей Церкви доказательство из неканонических писаний нередко становятся наряду и вместо доводов из канонического Писания. Нашей высшей церковной власти, в лице Всероссийского Церковного Собора, неотложно предстоит высказаться об объеме источника нашего православного исповедания – Святой Библии – и тем внести определенность во взгляд Православия на одну из существенных основ своей жизни.

Пересмотр текстов славянской и русской Библии представляется необходимым и по научным, и по практическим соображениям. Главным образом, давно уже чувствуется и высказывается потребность практическая – именно устранение неясности или темноты церковного, славянского текста, в особенности Псалтири, хотя нуждается в этом отношении в проверке и новозаветный евангельский текст. Темнота перевода заслоняет смысл священных книг и тем существенно мешает их надлежащему влиянию на ум и совесть народа.

Отговорки, обычно представляемые, что неясный текст может проясниться чрез толкование или особое изучение, по существу несостоятельны: пусть текст остается прикрытым особою завесою, где он выражает действительно прикровенные тайны Божии, но нет надобности сохранять неясность в обычных вполне до-

ступных пониманию местах, темных только в силу устарелости языка, неудачности перевода или просто вследствие засоренности его случайными наслоениями, успевшими за давностью лет принять характер священного тумана. Священный текст, как документ высочайшей важности для каждой пытливой души, должен быть доведен до самой полной ясности, насколько это доступно человеческим силам.

Последний пересмотр Славянской Библии сделан был в 1751 году. После того потребность в новой ревизии признана и требуется давно, и это раскрыто в значительной литературе. Одновременно с таким рядовым пересмотром славянского текста в авторитетном решении нуждается вопрос о типе перевода богослужебных библейских чтений, что неоднократно в последнее время восходило на рассмотрение Святейшего Синода и находило в нем уклончивое решение.

Дело здесь в следующем. Первоначально церковные библейские чтения (паримии) в славянских богослужебных книгах были несходны с текстом полной славянской Библии, потому что по переводу они принадлежали другой руке и основывались на другом оригинале, сравнительно с полным переводом славянской Библии. Богослужебный перевод был сделан раньше, чем перевод полной Библии, принадлежал руке святого первоучителя Кирилла, и это вполне оправдывало его исключительный авторитет и сохраняло ему неприкосновенное место сравнительно с другими небогослужебными текстами.

Так продолжалось дело до московского издания Библии 1663 года. После этого издания все Триоди приспособляют паримийные чтения к изданию Библии 1663 года. В 1748 году Святейший Синод заметил разницу между паримийными чтениями и полным библейским текстом, но не получил объяснения этого различия и в 1769 году постановил текст Триоди согласовать с текстом исправленной Елизаветинской Библии. Таким определением Святейший Синод похоронил окончательно исконный церковный текст в пользу более нового и менее авторитетного полного текста.

В 1908 и 1909 годах пред Синодом комиссия по исправлению богослужебных книг ставила вопрос, не следует ли возвратиться в «Постную Триодь прежнюю богослужебную редакцию паримийного текста», и оба раза Святейший Синод, «не касаясь пока общего вопроса о сравнительном достоинстве библейского текста синодального и находящегося в богослужебных кни-

гах», предлагал комиссии ограничиться исправлением библейского богослужебного текста так, как он есть.

Таким образом, случайное, основанное на непонимании определение Святейшего Синода 1769 года через 140 лет было авторитетно закреплено Синодом, как имеющее за себя силу почтенной давности. Конечно, это не есть деловое исчерпывающее решение, и Всероссийскому Церковному Собору предстоит указать, следует ли в богослужебных библейских чтениях восстановить 1000-летний текст святого первоучителя Кирилла или же следует отдать предпочтение пред ним безличному тексту другой руки, приобретаемому путем печатного станка в XVII и XVIII веках право преимущественного распространения.

Наравне со славянским текстом Библии пред высшею церковною властью стоит непочатая еще задача привести в надлежащее соответствие с требованиями времени русский Синодальный перевод Библии. Этот перевод завершен, правда, недавно – всего в 1875 году, но на нем вполне отразились все особенности не любимого детища, а пасынка духовного ведомства, и он неотложно требует пересмотра или, еще лучше, – полной замены.

Его состав или объем грешит тем же свойством следования католическому канону, что наблюдается и в славянской Библии. Его оригинал не выдержан: то он передает еврейский оригинал, то греческий текст LXX, то латинский текст, – словом, в этом переводе сделано все, чтобы лишить его характера целостности, однородности.

Правда, эти свойства незаметны для рядового благочестивого читателя. Гораздо существеннее его литературная отсталость. Язык этого перевода тяжелый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного языка на целый век: это совершенно недопустимый в литературе язык еще допушкинского времени, не скрашенный притом ни полетом вдохновения, ни художественностью текста. Чтобы выразить в переводе уважение к высоте оригинала, чтобы поставить перевод на уровень литературных требований и доставить ему соответственное влияние, нужно дать не отсталый ремесленный, а художественный, творческий перевод, притом с постоянным попечением о его усовершенствии. Ценности национального и общецерковного значения требуют к себе самого бережного и постоянного внимательного отношения.

Мы отнюдь не думаем перечислять всю область вопросов, касающихся нашей славянской и русской Библии; мы считаем долгом остановиться только на тех из них, которые имеют неотложное практическое значение и требуют решения для надлежащего воздействия Библии на свойственном ей пути – проникновения и оживления души народа. Верим, что вместе с этим лучше наладятся и разрешатся и другие, например, научные задачи относительно Библии. Не может быть значительного научного движения в деле изучения Библии, если эта Библия далека от народа, если жизнь не проверяется и не стучит в сокровищницу подлинного Слова Божия, если Библия не занимает и не возбуждает народного сознания.

Обидно для национального чувства признание, что наша Церковь была холодна к первоисточнику божественной истины, что Святая Русь не любила и не любит Библии. И теперь, на повороте истории к самостоятельному устройению Церкви своих исходных путей, в период величайшего перелома в душе народной, на основании опыта истории и наблюдения ближайшего времени, было бы невозможно не вспомнить, что нам неотложно нужно обратиться к источнику Вечных Глаголов – и прежде всего облобызать и поставить их пред собою в подобающей им чистоте и убранстве, а затем пригласить к ним всех жаждущих беспримесной вечной правды.

Всероссийский Церковный Собор сделал бы свое великое дело, если бы принял меры к усовершенствованию текста славянской и русской Библии, решил всегда отклоняемые церковной властью вопросы о составе Библии, о надлежащем виде богослужебных библейских чтений, а также – главным образом – издал постановление об обязательном чтении верующими Библии, как это сделано, например, об обязательности для верующих частной и общественной молитвы, соблюдении постов и праздников.

История славянской Библии показывает, что Библия у южных славян и у нас, на Руси, никогда не запрещалась, но вместе с тем никогда не имела боевой роли, не составляла предмета чаяний и исканий народа, не испытывала резких переживаний в своей судьбе, была скорее предметом благоговейного почитания, чем непосредственным источником благоговейного действия. Русский народ в своей истории никогда не страдал за Библию; история помнит преследование народа за двупер-

стие, но переживаний за Библию в ее памяти не сохранилось.

По-видимому, такая бесцветность судьбы нашей Библии объясняется тем, что для народа она заменялась младенческой пищей – толкованиями и церковными назидательными сказаниями и поучениями (Палея, Пролог, Жития святых), так что народ освобождался от самостоятельного проникновения в первоисточник божественной истины. Но история знает моменты, когда малозаметное течение жизни Библии сменялось значительным движением в ней. Эти моменты стояли в связи и даже вызывались особыми историческими подъемами или кризисами в государственной, церковной или общекультурной жизни славянских народов и нашей русской.

Общие подъемы жизненных сил народов, как общее правило, всегда сопровождалось соответственной повышенной деятельностью в области уяснения и проникновения в творческую силу Библии.

Самое зарождение Библии на славянском языке при Кирилле и Мефодии совпало и стояло в связи с выступлением славянского народа на историческое поле действия, с культурным самоопределением народа в области мировой тогда византийской культуры. Начальный перевод Библии определил бесповоротно восточное русло культурной жизни южных и восточных славян, положил начало литературному языку и всему духовному укладу православного славянства. Он стал единственным непрерываемым историческим стягом этой части славян.

В XIV веке народные устои балканских славян под ударами османов закачались, и народное сознание ищет опору для своих нравственных и физических сил во внимательном допросе своей судьбы в словах Вечной Книги: появляется пересмотр Библии в Болгарии, потом в Сербии, создается вокруг Библии целое умственное движение, имевшее целью поддержать упавший дух и силу гибнущего народа. После этого последнего напряжения самостоятельные царства болгар и сербов были погребены под ударами турок, а вместе с тем мы не видим после этого ни одного следа самостоятельных библейских занятий у болгар и сербов.

У нас на Руси громадный подъем сил после крушения новгородской вольности и при борьбе новгородцев с еретиками жидовствующими вызвал в 1499 году создание полного свода Геннадиевской Библии. Усиленная борьба наших

юго-западных братств и отдельных ревнителей веры с натиском сочиниянства в XVI веке вызвала знаменитое издание Острожской Библии 1581 года.

На Москве, до расцвета Московского царства и патриаршества в половине XVII века, не было речи о какой-нибудь деятельности в области Библии. Возвышение царского могущества и русского патриархата в половине XVII века вызвали как естественное следствие потребность в идейном завершении этой государственной и церковной полноты в виде усвоения Московскому царству полного издания Библии. Замысел об этом московском издании 1663 года относится к 1649 году, времени издания свода юридического правосознания тогдашнего государства, то есть Соборного Уложения. Правда и мир, по этому замыслу, должны были одновременно встретиться и облобызаться.

Мысль о последней по времени и самой серьезной справе Елизаветинской Библии 1751 года была подана гениальным Петром в 1712 году. Проверенная и доступная народу Библия, по замыслу Преобразователя, должна была вдохнуть душу высшего озарения в его государственные и общественные преобразования. Библия и вызывалась, и оправдывалась потребностью создать соответствующую нравственную атмосферу для великих перемен в народной жизни. Она не поспела к освещению этих народных преобразований, замедлилась выходом, но это случилось не по вине Преобразователя.

Если голос истории не пустой звук, то наши надежды на разрешение назревших в нашей Церкви вопросов относительно Библии на Всероссийском Церковном Соборе не могут остаться напрасными. Высшее напряжение церковных сил, направленное на капитальное переустройство Русской Церкви в годину величайшей государственной и общественной разрухи, не использовало бы всех доступных ему средств для своего творчества, если бы оставило без надлежащего внимания основной источник своего озарения и духовного воспитания народа. Вершина церковного сознания и воли в ответственный момент своей деятельности приносится своими устами к источнику вечной жизни и вознесет его на ту высоту, какая ему подобает.

*Иван Евсеевич ЕВСЕЕВ,
профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии
Председатель Русской Библейской Комиссии*

Старая симфония

В конце семидесятых, когда в Советском Союзе властвовал режим безбожия, мой отец был пресвитером небольшой баптисткой церкви на Северном Кавказе. Он не имел специального богословского образования, но книги страстно любил. Чтение было для него не только получением удовольствия и расширением кругозора, но также и поиском свежих тем для проповедей. Несколько раз в неделю он проповедовал в церкви; необходимость «держаться форму» была для него очевидна. Как пресвитер он поощрял чтение духовной литературы другими верующими.

Духовной литературы в те времена было крайне мало, поэтому, когда в церковь попадала новая книга, ее прочитывали все по очереди, назначая время чтения и передавая друг другу. Особенно ценные книги по возможности переписывали. У нас дома до сих пор хранится несколько общих тетрадей переписанных книг, одна из которых называется «Сборник примеров для проповедей». Отец переписывал их вечерами после работы и богослужений.

Однажды в руки отцу попала бесценная по тем временам книга: каталог ссылок на ключевые слова Священного Писания, так называемая Симфония. Эта книга была настолько редкой и ценной, что обладать ею многие проповедники только мечтали. Она была очень удобной: при помощи нее без особого труда можно было отыскать любое слово, употреблявшееся в разных частях Библии.

Не долго думая, отец приступил к переписыванию Симфонии. Но чем дольше он занимался этим делом, тем меньше оставалось надежды на его завершение. Переписать книгу из нескольких сотен страниц, напечатанную мелким шрифтом было практически не возможно.

И тогда отцу пришла смелая мысль: написать в издательство в Швеции и попросить выслать Симфонию. Идея эта была не менее утопическая, чем создание рукописной копии: невероятным было как то, что письмо будет получено адресатом, так и то, что издатели смогут переслать книгу за железный занавес. Письмо в издательство было неким подобием молитвы Богу, содержащей просьбу, для осуществления которой Бог был бы обязан явить чудо.

Несколько месяцев спустя, на Рождество почтальон принес моим родителям извещение о

посылке. Она была из-за рубежа. Объявленная ценность на нее была не велика, содержимое было названо подарком.

В посылке оказался миниатюрный кукольный гарнитур: шкаф, несколько крошечных стульев и кровать. Прилагалась рождественская поздравительная открытка, подписанная незнакомой семьей из Германии!

Удивлению моих родителей не было предела! Их единственному сыну (моему старшему брату) на тот момент было пятнадцать лет, вряд ли подарок был для него. Неужели кто-то ошибся адресом?

Но имена родителей в открытке были указаны абсолютно верно. Кроме того, на почте посылку вскрыли, а надлежащие органы, которые проверяли ее на наличие запрещенных вещей, не могли ошибиться в адресе получателя!

Таинственность стала рассеиваться после того, как на рождественской открытке было совершенно случайно обнаружено название знакомого издательства: того самого издательства, которое издало Симфонию! Загадочный подарок был осмотрен еще раз, более тщательно и вот тогда-то его секрет раскрылся: задняя стенка шкафчика оказалась двойной!

Выполненная мастерски из такого же материала, что и весь шкаф, она отделяла потайное пространство шириной в полтора сантиметра. В этой полости лежала книга, раскрытая посредине. Это была Симфония с обложкой из искусственной кожи, с желтым крашеным обрезом страниц, с тонкими полупрозрачными листами, с золотым тиснением!

Чудо свершилось: отец получил надежный инструмент для подготовки проповедей. Он до сих пор пользуется этой Симфонией.

Кто были эти люди из Германии, переславшие в Советский Союз запрещенную книгу? Это остается тайной по сей день.

Бог всегда заботится о детях Своих. Он выполняет всякую их нужду. И даже если печатное или рукописное Слово Божье будет изъято, оно никогда не будет изъято из сердец людей, к чьим судьбам прикоснулся Господь, сопричислив их к обществу святых и назвав Своими.

*Владимир ВОРОЖЦОВ,
Краснодар*

В тюрьму как на коронацию

Владимир Трофимович Жидулов (1912-1981) в довоенные 1930-е годы являлся одним из руководителей ленинградской и колпинской баптистской молодежи. Это было поставлено ему в вину и приравнено к антисоветской деятельности, за что он был осужден и отбыл в сталинских тюрьмах и лагерях пять с половиной лет.

Познакомившись с его делом и заинтересовавшись его судьбой, автор смог разыскать сына Владимира Трофимовича – московского пресвитера Олега Владимировича Жидулова. Он поведал: «Каждый вечер за ужином, когда собиралась вся семья: родители, старший брат и я, – отец рассказывал какие-то яркие эпизоды своей жизни».

Воспоминания сына, а также материалы следственного дела (АУФСБ по СПб и ЛО, АУД № П-65970) явили образ человека яркой и интересной судьбы, многосторонне одаренного, отдавшего себя на служение Господу.

Биографический очерк о В.Т.Жидулове опубликован в книге В.А.Степанова «Рожденные свыше на берегах Ижоры» (том 2), а сейчас читатель может познакомиться с его небольшой частью.

Арест и следствие

Когда его вывели из дома, то ленинградское лето было в разгаре. Он пошел в костюмчике, может быть, рубашке, взяв смену белья. Но самое главное, в душе не было паники или отчаяния. Он несколько раз, вспоминая тот день, говорил сыновьям: «В свои 29 лет, не имея семьи, я ехал в тюрьму, как король на свою коронацию. У меня было такое высочайшее чувство, что и меня Господь счел достойным пострадать за Него».

Как тут не вспомнить слова апостола Петра: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в

Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Пет. 4:12-13).

На первом допросе 14 июля 1941 года следователь заявил: «Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, которой вы занимались как активный участник антисоветской нелегальной группы сектантов-баптистов. Сознаться и расскажите об этом».

Так был пущен в ход обычный прием следствия тех лет. Арестованному объявляли, по какой статье он обвиняется, следователь говорил: «Мы все знаем о тебе, но для тебя будет лучше, если ты сам сознаешься и расскажешь нам все про свою контрреволюционную деятельность».

Целью следствия было добиться от обвиняемого признания, заставить его оговорить самого себя. Этого было достаточно для обвинения. Никаких реальных улик не требовалось, потому что в делах верующих откуда им было взяться?!

Ответ Жидулова записан в деле: «Участником антисоветской нелегальной группы сектантов-баптистов я не был и контрреволюционной деятельностью не занимался».

После 1,5 лет, проведенных под следствием в Андижанской тюрьме, 24 февраля 1943 года Особое Совещание при НКВД СССР постановило: Жидулова Владимира Трофимовича, как участника сектантской группы, за антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет, считая срок с 12-го июля 1941 года.

СЕМЕЙНОЕ РАДИО **РАДИО ЭЛИ**

РАДИО ЭЛИ **РАДИО ЭЛИ**

РАДИО ЭЛИ **РАДИО ЭЛИ**

РАДИО ЭЛИ **РАДИО ЭЛИ**

РАДИО ЭЛИ **РАДИО ЭЛИ**

РАДИО ЭЛИ **РАДИО ЭЛИ**

95,6 FM **Ам 1035 KHz** **98,2 FM**
в Нарве на средних волнах в Кохтла-Ярве

WWW.RADIOELI.RU

Дело было рассмотрено заочно, без вызова в суд обвиняемых. Обычная практика тех лет, не позволявшая обвиняемым защищаться и невиновным взывать к суду об оправдании.

Отец Трофим Павлович говорил относительно работы судебно-следственных органов: «Они всем приписывают «политический», «враг народа». Вот, например, как нашему сыну. Писали на него ложные доносы. Потом выяснили – все ложь и запросили Москву, как быть с таким, что обвинений нет. Из Москвы ответили – дать ему пять лет. Вот вам и все – враг народа. Так и всем приписывают. И ни одного я не знаю, чтобы выслали и написали, что за религиозные убеждения. Все – враги народа. Мучают допросами и высылают».

Актюбинский лагерь

Владимир Трофимович остальное время заключения провел в Актюбинском лагере в северном Казахстане – три с лишним года на тяжелых физических работах. Строили какие-то производственные корпуса, дома, их назначение узникам не было известно. Рабочий день длился по 10-12 часов. Вся техника – мускульная сила, тачка и лопата.

(Согласно истории ГУЛАГа, в годы войны в Актюбинске шло строительство ферросплавного металлургического комбината, оно было закончено в первом полугодии 1945 г.).

В лагере Жидулов дважды побывал в карцере: два раза по пять суток – это были наиболее трудные дни. Карцер представлял собой подвал с бетонным полом и стенами, с выбитыми

окнами. В Казахстане зимы холодные, да и летом только днем жарко, а ночи холодные. Пять суток без сна невозможно выдержать, очень трудно. Спать на бетоне нельзя, потеряешь здоровье. И вот он спал на боку, подложив один ботинок под плечо, а второй под поясницу, стараясь не соприкоснуться с бетоном, только таким образом удавалось пережить эти сложные дни.

Пока тянулось следствие, почти два года переписка была запрещена. Родители и близкие ничего не могли узнать о его судьбе, и он ничего не знал о них. Попав в лагерь, он смог, наконец, написать. От родных и друзей стали приходить письма и посылки.

Однако была такая трудность, что когда человек выходил с почты со своей посылкой, его у дверей уже встречал длинный коридор зеков-уголовников, которые предлагали «поделиться». В итоге они забирали почти все содержимое посылки, которая к тому же была открыта, поскольку охранники проверяли ее содержимое: нет ли чего запрещенного, например, оружия.

Когда же выходил Жидулов, главный вор в законе посмотрел на других и дал знак: «Этого не трогать». Уголовники вообще-то уважали верующих. Они знали, за что сидят, и не могли понять, за какую идею шли в лагерь и даже на смерть, верующие, от них это было сокрыто.

Присылали обычно сухофрукты, теплые вещи (носки, варежки). Владимир Трофимович иногда сам отдавал что-нибудь, помогая тому, кому было наиболее трудно, желая поддержать человека, и тот прикладывал руку к сердцу и жестом благодарил. А братья, конечно, делились друг с другом последним, всем, что у них было.

«Сталинская академия»

В лагере самое трудное было, когда политические заключенные, люди интеллигентные, профессура, вынуждены были находиться бок о бок с уголовниками и терпеть от них разные издевательства и притеснения.

Владимир Трофимович говорил про лагерные годы: «Я закончил там «сталинскую академию». Там было немало профессуры, и даже из его института люди, читавшие ему лекции, авторы книг по специальности. Вечерами после работ уголовники проводили время за своими занятиями, анекдотами, игрой в карты, а интеллигенция проводила время своим кругом. В бараке в доступной форме профессора излагали

Служение «Добрый самарянин» предлагает эффективную программу социальной реабилитации, благодаря которой сотни людей смогли выбраться из болота наркомании и алкоголизма.

Телефоны:

+7 901 373-94-04, +7 (812) 92-333-96

8 800 200-94-04 (бесплатно по России)

narcostop.org@mail.ru

www.narcostop.org

своим коллегам, специалистам в другой области, самые главные основополагающие истины своей науки. Владимир Трофимович сидел на этих лекциях – «лекциях на нарах». Там он прослушал лекции по астрономии, мореплаванию, истории музыки и другим наукам.

Крещение огнем

Он был молод, крепок здоровьем, которое не было растрчено на мирские развлечения, на водку и т. п. Он следил за собой, и, если случались периоды, когда физически не работал, делал зарядку и упражнения. Порой сил все равно не хватало, чтобы выдержать ту тяжелую нагрузку общих лагерных работ. Тогда Бог поддерживал его там, где одних человеческих сил не хватило бы, чтобы выжить.

Вот один из ярких эпизодов его духовного крещения огнем в один из трудных моментов его жизни. Кажется, это было перед тем, как ему идти в карцер, и он искал близости с Господом в молитве. Естественно, что в бараке от души помолиться было нельзя, да если бы он и попытался, то не смог бы сосредоточиться. Там находились одна или две сотни людей, стоял шум и гвалт от разговоров.

Дело было осенью. Он зашел за барак, встал на колени, начал молиться и так погрузился в молитву, что не знал, сколько прошло времени. Но когда поднялся с колен, то увидел уже краски рассвета. Тогда он вернулся в барак и лег, поскольку уже приближался подъем. Это время, которое он провел в молитве, дорогого стоило. Господь поддержал его, и он получил достаточно и физических, и духовных сил, чтобы пережить трудности предстоящих дней.

Черпая силы в Писании

Выдержать эти нечеловеческие страдания труднее было неверующим людям. Они не могли примириться с положением, в которое попали, не могли согласиться с тем, что страдали несправедливо.

Но верующие знали, на что шли и за что страдали. На протяжении всего срока лагерной жизни он буквально черпал силы из Священного Писания, повторяя на память стихи, которые когда-то выучил. Некоторые стихи сыграли исключительную роль в его жизни, помогли перенести буквально все тяготы лагерной жизни.

Много раз, будучи позднее пресвитером, Вла-

димир Трофимович проповедовал на текст: «По сей причине я и страдаю так; но не стыжусь. Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день» (2 Тим. 1:12). Этот стих был им особенно любим. Он говорил: «Высшее благо заключено в том, что Христос пострадал за нас. Но если Христос пострадал за нас, то когда нам предоставляется возможность страдать за Христа, неужели мы посмеем отказаться, неужели дрогнет сердце?!»

Или следующие слова, сказанные Иовом, укрепляли его: «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его» (Иов 19:25-27).

Подобно апостолу Павлу, тоже находившемуся в заключении, он черпал уверенность и силы у Господа. «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3:12). По этому стиху он проверял себя: «Гоним я, или нет? Гоним – значит, я желаю жить благочестиво, значит иду правильным путем».

Тюремная лира

Господь давал ему в эти годы особое поэтическое откровение. Еще находясь под следствием в «каменном мешке» тюремной камеры, он сквозь тусклое окошко видел Великого Творца всей Вселенной. И более того, он в этот период написал наиболее глубокие по смыслу стихи. Записать их было не на чем, он их просто запоминал и только после освобождения записал на бумаге. Именно в годы заключения родились стихи: «Звездный мир», «Где счастье?», «Но верю я», «Расскажи мне, брат, о небесах».

Вот строки о величии Творца и Его творения в стихотворении «Но верю я»:

Творец миров невидимый очами
Как много тайн, сокрытых временам,
Ты открываешь дивными речами
Покорным истине Своим сынам.

Не знаю я, как родину-планету
Ты Землю нашу Солнцем осветил
И в бесконечности пылинку эту
Уравновесил меж светил.

Но верю я, что все миры Вселенной
Премудро созданы Твоей рукой
И вместе каждою строкой
Нам Твой закон являют неизменный.

Рефреном звучит противопоставление: «Не знаю я – но верю я».

Освобождение

В 1946 году закончился назначенный ему срок заключения. Он был доставлен в Ленинград и согласно имеющейся в деле справке об освобождении вышел на свободу 30 августа из тюрьмы № 1 УМВД Ленинградской области. Позднее он говорил сыновьям, что провел годы кровопролитной войны более полезным для Господа образом, страдая за Него в лагере, нежели он убивал бы людей, хотя и врагов. Кроме того, он ясно понимал, что этим Господь сохранил его жизнь для дальнейшего служения Ему.

*Владимир СТЕПАНОВ,
Санкт-Петербург*

Полная версия данной статьи опубликована на сайте газеты www.gazeta.mirt.ru.

Через катарсис к откровению

Меняется ли у вас отношение к любимым вещам? Насколько меняются со временем ваши предпочтения и что на это влияет?

Я стал замечать, что в моей жизни есть вещи, отношение к которым я поменял. Особенно это видно по моему отношению к искусству. Есть у меня любимые книги, любимые фильмы, музыка и произведения искусства. И иногда я опасюсь пересматривать любимые когда-то фильмы или перечитывать любимые книги. Почему?

Я меняюсь. Это реальность, к которой у меня может быть разное отношение. Где-то это позитивные перемены; где-то – не очень.

Но я с удивлением обнаружил, что гениальных творений мои перемены касаются по-другому. Для меня очень редко среди произведений искусства, особенно среди произведений визуального искусства, есть абсолюты, когда я принимаю все от начала и до конца, и для меня это произведение становится эталоном, образцом того, как можно передать те или иные чувства, переживания, истины.

Я не люблю в искусстве прямой проповеди. Часто искреннее желание поделиться важными, основополагающими истинами приводит к обычной морализации, которая ничего, кроме ощущения искусственности, нечестности, неестественности, не вызывает. Такие произведения очень сложно воспринимать, потому что в них отсутствует самый важный компонент настоящего искусства – правдивость. Именно правдивость дарует нам ощущение сопричастности, узнавания: мы не просто верим от начала и до конца, мы начинаем видеть новые смыслы, для нас открывается красота метафоры.

Но бывают и редкие, единичные исключения. Таким исключением для меня является фильм британского кинорежиссера Майка Ходжеса «Отходная молитва» (A Prayer for the Dying), снятый по одноименной книге Джека Хиггинса. Это тот самый пример прямой проповеди в кино, когда я не вижу фальши, когда верю всем переживаниям и терзаниям героя. И это стало возможным потому, что режиссер не просто показал путь главного героя к обретению веры, но и показал его сомнения, его внутреннюю борьбу.

Фильм сочетает в себе то, что я бы назвал «золотой серединой». Это, безусловно, гениальное кино. В нем есть все, что необходимо шедевру – четкая и понятная идея, многослойность повествования, яркие и сложные характеры, жесткая психологичность и глубокие метафоры, заставляющие зрителя думать, именно заставляющие думать, не оставляющие равнодушными.

Вот признак гениального произведения. Именно метафоричность, сложность символического ряда, сочетающаяся с ясностью идеи, делает произведение гениальным. И именно этого мне не хватает в современной христианской прозе.

Режиссер фильма Майк Ходжес для британского кино фигура культовая. Все его фильмы вызывали очень разноречивые рецензии, но почти все его фильмы становились классикой. Интересно, что в 2005 году на британском телевидении вышел фильм под названием «Майк Ходжес: Бескомпромиссный поэт, обладающий даром предвидения», который очень точно рассказывает о значимости режиссера для мирового кинематографа.

Самой признанной его режиссерской работой стал фильм «Убрать Картера», который в 1999 году занял шестнадцатое место в списке ста лучших британских фильмов, составленных

Британским институтом кино. В 2004 году издание «Total Film» признало его лучшим британским фильмом всех времен. В 2005 году Университет Западной Англии в Бристоле присудил Ходжесу степень доктора honoris causa.

Взявшись за нелегкую работу экранизации неоднозначного романа своего соотечественника Джека Хиггинса, Ходжес сделал невозможное – превратил политический триллер на североирландскую тему в настоящую духовную драму, полную метафор, аллюзий и символов, сохранив при этом первозданную правду характеров и динамичность истории.

Главный герой фильма – Мартин Фэллон – ирландский террорист, боевик ИРА, решил завязать с прошлым, не видит будущего, не видит смысла в существовании. После неудавшегося террористического акта, когда вместо автомобиля британской армии на mine подорвался школьный автобус, он решил «выйти из игры» и бежать за границу. Фэллон скрывается и от полиции, и от своих бывших товарищей по оружию.

Но чтобы получить поддельный заграничный паспорт, Мартин вынужден совершить еще одно, последнее заказное убийство – убить одного гангстера по заказу другого, Джека Михана. Свидетелем убийства становится католический священник, которого главный герой не убивает. Он приходит к нему на исповедь и теперь священник вынужден сохранять тайну. Такова общая коллизия фильма.

Но самое интересное происходит именно в противостоянии трех фигур – священника Да Косты (его роль исполняет Боб Хоскинс), террориста Мартина Фэллона (Микки Рурк) и гангстера Джека Михана (Алан Бейтс). Кстати, на мой взгляд, это самая сильная роль Рурка.

Итак, что же такого в фильме, что делает его шедевром? Именно в том, что герои фильма живые, яркие, не плоские. Каждый из трех персонажей является своеобразным символическим архетипом. Очень ярким и запоминающимся.

Католический священник Да Коста воплощает в себе образ настоящего священнослужителя, для которого важна душа грешника. Для него служение в небольшом приходе в Лондоне – это дело всей его жизни, результат его личного духовного пути. Священство для него – осознанный выбор, и он борется за души со всей страстностью своей натуры.

Драматичность противостояния священника и главного воплощения зла Михана мы видим в

одной из самых ярких сцен в фильме. Да Коста (в прошлом спецназовец, побывавший в китайском плену) после того, как осквернили его церковь, приходит в ресторан к гангстеру и, не совладав с собой, избивает трех подручных Михана.

Кстати, ресторан называет «Courage», но когда разгневанный священник стоит у его входа и дерется с гангстерами, видна лишь часть названия «...rage» (гнев). И для священника такое проявление своего старого «я», которое он, казалось бы, похоронил, показывает бессилие перед злом. Именно поэтому он понимает, что должен бороться за душу Марина.

Кстати сказать, фамилия главного героя тоже символична Фэллон (Fallon) (созвучно с fallen – падший, упавший, тут своеобразная игра слов вновь игра с метафорой и смыслами).

Вообще тут очень важны взаимоотношения трех главных героев. Я подчеркиваю, что тут именно три главных героя, через которых мы и ощущаем главный нерв фильма. В картине нет лишних слов или ненужных подробностей. Все очень важно. Каждый диалог является ключом к пониманию смысла и основной идеи фильма.

Можно много пересказывать фильм, в котором все накалено до предела. И проповедь Мартина, когда он говорит о том, что потерял веру и все время задает вопросы Богу, почему Он это допустил. И его игра на церковном органе, которая показывает ту часть души, которая все время стремится восстановить свои отношения с Богом.

Уникальна и не менее символична финальная сцена, когда Мартин падает с крыши храма, отчаянно цепляясь за огромное распятие Христа. И священник до конца борется за душу Фэллона. Его отчаянная попытка, наконец, приводит к тому, что умирающий Марин шепчет молитву покаяния. И вот этой сцене ты веришь от начала до конца, потому что видишь всю драматику этого духовного катарсиса.

Именно это и отличает как гениальное кино, так и гениальную прозу – жизненность, глубокий психологизм, многослойность и метафоричность. Точная метафора обладает необыкновенной силой. Я уверен, что именно на метафоре вырастает настоящее искусство и в том числе литература. Метафора помогает развить идею произведения, не пользуясь прямым способом объяснения, но позволяет писателю или режиссеру вовлечь читателя или зрителя в процесс создания произведения.

Только в этом случае возможен катарсис, к которому приходит сам зритель. Я подчеркиваю САМ, никто ему этого не говорит, не объясняет. Он сам становится соучастником всей драмы главных героев. И это помогает через катарсис прийти к надежде, к преображению, к откровению. Вот это и отличает талантливое, настоящее искусство от поделок.

*Игорь ПОПОВ,
Москва*

На сайте газеты «Мирт» www.gazeta.mirt.ru в рубрике «Культурный код Игоря Попова» опубликованы другие статьи нашего автора:

- «Пабло Пикассо: между знанием и милосердием»
- «Параллельные миры: Тарковский и Брейгель»
- «Вот полицейская машина, а Бог за этой стеной...»
- «Раненый ангел»

Молитва о нелюбимом в человеке

Моя любовь не слепа, она видит в тебе плохое, хотя мне бы не хотелось видеть плохое ни в ком, особенно в тебе. Конечно, я понимаю, что безгрешных нет, но так хочется не видеть зла ни в себе, ни в других.

Зло в тебе и во мне соседствует с любовью. Иногда мне кажется, что если зло исчезнет, то и любовь исчезнет, останется доброта без страсти, свет без огня, а этого я не хочу. Я хочу и видеть зло, и все-таки не быть в рабстве у зла.

В тебе есть эгоизм – и пусть, он и во мне есть, но мы проживем и с эгоизмом, не давая ему развестись наши отношения. Эгоизм, опоздания, необязательность, невнимательность, – мне трудно их вытерпеть и не попрекать тебя, не грызть себя.

Я люблю тебя, но не могу любить, когда ты подвираешь, особенно, когда ты невольно

лжешь, не замечая этого, когда ты манипулируешь людьми. Мы все так поступаем друг с другом, но ты же можешь так не делать.

Я не люблю, когда ты забываешь обещания, тянешь разговор на себя, не чувствуешь чужой боли, иногда не замечаешь очевидного. Я особенно не люблю, когда ты командуешь. Но я лучше подчинюсь, чем попрекну тебя. Не так уж много ты и командуешь, просто это очень чувствительно для меня, да и для всех.

Я люблю тебя и поэтому не буду говорить тебе о твоих недостатках, дурных привычках и о том, что лучше было бы не делать. Пусть другие скажут, пусть совесть твоя скажет, а я не буду командовать, потому что люблю.

Может, мое молчание поощряет твои недостатки, но ведь моя любовь помогает быть лучше. Пусть моя любовь тихо и незаметно ведет подкоп под твои недостатки, а твоя любовь подкапывается под мои, ведь и ты меня любишь, как ни трудно иногда в это поверить и это почувствовать. Пусть не твои провалы стоят у меня перед глазами, пусть они исчезнут, а если уж не исчезнут, пусть моя любовь будет от них противоядием и для меня, и для тебя.

Старость

Старость в современном обществе потеряла ореол авторитетности, зато поживела. В информационную эпоху количество лет ничего не определяет, определяет информационная насыщенность – и старый пустой мешок не авторитетнее пустого мешка молодого, среднего или зрелого.

Конечно, если пустой мешок найден в пирамиде фараона, он все-таки привлекает к себе внимание – и если старик один в толпе из молодых и зрелых. Но демографическая пирамида давно перевернулась, и старые пустые мешки теперь собираются вдесятером вокруг одной семилетней девочки, тогда как раньше десяток девочек скакал вокруг одного старого мешка.

Резко изменилась мемуаристика. Если раньше старик торжественно вспоминал, как встречался с поэтом, умершим в сорок лет, то теперь и поэты доживают до преклонных лет (впрочем, преклонные лета как раз самые непреклонные, ригидные). Как-то странно вспоминать, как встретился с великим таким-то сорок лет

назад, когда великий очень даже жив и бьет хвостом почище тебя – он же великий, великие всегда бьют хвостами, а то и копытами. После шестидесяти все становятся примерно одного возраста, все ровеснички. Хоть какое-то лекарство против мемуаристики прежних времен, когда дожившее до дряхлости хлестаковствовало на несчастных недоживших.

На самом деле, старость и раньше была не такой уж редкостью – внутренняя, душевная старость. Дряхлеет ведь не только тело, но и психика, и как родиться заново человек может в любом возрасте, так и одряхлеть случается даже с детьми – и речь не о дряхлении от болезни, а о дряхлении от эгоизма и злости.

К счастью, детское дряхление – исключение. Но быстрое, обвальное дряхление в подростковом или юношеском возрасте – сплошь и рядом. Была живая душа – и молчалин.

Это еще неплохой вариант, а ведь есть еще и мертвые души в генеральских чинах, и даже подымай выше – полковники-с! Люди, решавшие свои душевные проблемы за счет маленьких обманов и, соответственно, самообманов (любой обман есть и самообман – только так человек может перехитрить совесть). Человек может придумать, что он верующий или, напротив, что он атеист. Может придумать, что он жадный или что он щедрый, добрый или злой. Неважно – важно, что придумал, а не открыл и не создал.

Физиологическая старость страшно укрепляет надменность – не потому, что старость, а потому что физиологическая. Еще живой! Многих пережил!! Долгота дней кажется доказательством правоты, а она доказывает лишь качество медицины и волю Божию.

Коснение, гордыня в любом возрасте нехороши, но у подростка они комичны, а у старика – трагичны. Старость такое же искушение как власть, только еще искусительнее. На вершины власти поднимаются единицы, а на старость вкарабкиваются миллионы.

И кажется человеку, что вроде бы и не было в прошлом подлостей и ошибок, что нет в настоящем неискренности и лжи. Связи с окружающими слабеют, слабеет и благая зависимость от чужого мнения. Враги еще есть, но смотришь на них как сквозь перевернутый бинокль, и неважно, они на коне власти или ты. Там или там, а уже не страшно. Кажется, что можно на всех поплевать – ну как же, я очень стар и очень мудр... «Стармуд», как выразился Фазиль Иска-

дер. То самое бесстрашие идиота и подлеца, который лечится страхом Божиим.

Ничего ужасного в душевном дряхлении нет – оно лечится. Ужасно, что мало кто заботится о лечении. Проще наляпать пластырей, намазать зеленкой, наглотаться жаропонижающего, – в общем, лечить симптомы. А посмотришь внутрь, как говорил один нестарый помещик, – совершеннейший крокодил. И хорошо, если смотреть внутрь будет снаружи.

Конечно, лечить можно по-разному. Есть покаяние – «врачебница духовная». Не строить сложную конструкцию из самооправданий и иллюзий, а сказать себе прямо – сволочь, ты что ж такое наделал!

Веровать для этого, слава Богу, не обязательно. Лучше уж покаяние без веры, чем вера без покаяния – а такая бывает, и даже ох как бывает... Кстати, вера без покаяния – еще один лик пустого мешка.

Старость – как семь тощих лет после семи тучных, причем и накопить ничего не выйдет. Разговорчики про то, что если сберечь честь смолоду, если юность и зрелость провести в делах праведных, то и старость, глядишь, выйдет не старой, – это все опять самообман.

К счастью, дух, как и брюхо, вчерашнего добра не помнит. Это именно счастье, а не злодейство – что жизнь не есть инерция, не есть прямая через сколько-то там каких-то там точек. Жизнь есть ежедневное рождение, в том числе, в старости.

В 1960-е годы продавали в московских магазинах переводные картинки: блеклые, их надо было смочить водой, положить на бумагу и тереть. Блеклость скатывалась в бумажные катышки, которые невероятно приятно ощущались кончиками пальцев, и на бумаге появлялась яркое изображение. Тереть надо было очень осторожно – красочный слой легко рвался, даже не рвался, а превращался в некрасивую смутную рябь.

Старость – загадка извне и изнутри, потому что никогда толком не знаешь, докатал ли ты уже катышки, порвалась ли картинка, или, может, ты схитрил и перехитрил самого себя, наклеив вместо своей картинке чужую... Ишь, «опытом делиться» – самая гнусная придумка прежней старости... Катай-катай, кончики пальцев не стареют...

*Яков КРОТОВ,
Москва*

Где найти газету «Мирт»

В Санкт-Петербурге

Магазин «Слово»

Ул. М. Конюшенная ул., 9 / +7 (812) 571-20-75

Магазин «Христианская книга»

Ул. Лебедева, 31 / +7 (812) 542-70-05

Духовный центр «Библия для всех»

Ул. Грибакиных, 40 / +7 (812) 368-43-37

Дом молитвы ЕХБ

Ул. Б. Озерная, 27 / +7 (812) 293-45-78

Магазин «Библия»

Пр. М. Тореза, 85 / +7 (812) 293-29-32(14)

Лютеранская церковь св. Михаила

ВО, Средний пр., 18

Христианский университет (СПбХУ)

Нарвский пр., 13 б / +7 (812) 747-25-47

Церковь Миссия «Благая весть»

Аллея Поликарпова., 6, кор. 2
Ул. Будапештская, 102

Шведская лютеранская церковь св. Екатерины

Ул. М.Конюшенная., 1/3

Русская христианская гуманитарная академия (библиотека, 1 этаж)

Наб. реки Фонтанки, 15 / +7 (812) 314-35-21

В Москве

Магазин «Сирин»

Ул. Автозаводская, 19, к. 1 / +7 (495) 677-00-40

Магазин «Филадельфия»

Волгоградский пр., 17, стр. 1 / +7 (495) 676-49-83

Магазин «Христианская книга»

Мукомольный проезд, д. 1, кор. 2 / +7 (499) 259-71-28

Христианский центр

Ул. Наметкина, 15 / +7 (495) 719-79-45

Церковь «Благая весть»

Щелковское ш., 2А / +7 (495) 727-14-70

Церковь «Голгофа»

Ул. Лескова, 11 / +7 (499) 908-02-19

Московская богословская семинария ЕХБ

Ул. Перовская, 4А / +7 (495) 730-35-81

Евроазиатская богословская семинария

Ул. Поречная, 15 / +7 (495) 345-94-40,
+7 (916) 410-08-94

В других городах России

Магазин «Библейский мир»

Ижевск, ул. Труда, 19
+7 (3412) 611-116 +7 (950) 835-14-62

Магазин «Посох»

Новосибирск, ул. Каменская, 60
+7 (923) 248-36-10

Издательство «Новые книги»

Волгоград, ул. 8-ой воздушной армии, 32а
ХКЦ «Свет миру»
+7 (8442) 33-42-82

Магазин «Лоза»

Воронеж, ул. Шендрикова, 13
+7 (4732) 70-88-80, +7 (903) 651-67-93

Магазин христианской книги

Нижний Новгород, ул. Саврасова, 32
+7 (910) 143-05-53

Магазин «Истина»

Новороссийск, Анапское ш., 54, кор. 2
+7 (961) 527-20-26, +7 (928) 280-07-88

Магазин «Нужная книга»

Пермь, ул. Уральская, 93
+7 (908) 26-20-622

Магазин «Гармония»

Краснодар, ул. Красная, 68
+7 (861) 253-31-05

В Украине

Магазин «Книжная полка»

Киев, ул. Нижний Вал, 7-9
+38 (044) 227-27-29

Одесский христианский дом книги

Одесса, ул. Добровольского, 152а
+38 (048) 711-41-60, (097) 253-19-78

В Казахстане

Христианские СМИ в Средней Азии

Байконур-5, а/я 125
Кызылордлинская обл., 468320
+7 (33622) 72-940, (705) 952-59-69

Как поддержать газету «Мирт»

Газета существует исключительно за счет пожертвований своих друзей и читателей, поэтому мы с благодарностью принимаем любую поддержку.

Искренне благодарим всех, кто уже поддерживает газету своими пожертвованиями.

Перечислить ваши пожертвования вы можете, используя реквизиты Сбербанка:

МРОЕХ «ХЦ «МИРТ»

ИНН 7806041559 КПП 781301001

р/с 40703810155200106508 в

Петроградском ОСБ 1879/0797,

«Северо-западный банк Сбербанка

РФ г. С.-Петербург», БИК 044030653,

к/с 30101810500000000653

В графе «Назначение платежа» **обязательно** указывайте: «Пожертвования на газету «Мирт».

Вы также можете сделать перечисление на банковскую карту **Сбербанка** № 4276 5500 1998 3546 (через Интернет или банкомат Сбербанка).

Кроме того, вы можете для пожертвований использовать любой терминал и положить деньги в кошелек газеты на сервисе Яндекс.Деньги: 41001515249127.

Жители Украины для почтовых переводов могут использовать следующий адрес:

Бойко Тарас Владимирович,

а/я 157, Киев,

Украина, 02002.

В графе «Назначение платежа» **обязательно** указывайте: «На газету «Мирт».

На расчетный счет СПД Бойко С.В. Код 2901207746, р/с 26002053105053 в КРУ КБ «Приватбанк» МФО 321842 Основание: за газету «Мирт»

Газета «Мирт»,

ул. Пушкинская, 10, офис 59Н,

Санкт-Петербург, Россия, 191040

Тел./факс +7 (812) 575-5212

Моб. +7 (911) 939-8786

Эл.почта – gazeta@mirt.ru

www.gazeta.mirt.ru

Евангельская газета «Мирт». Зарегистрирована Северо-Западным управлением Роскомпечати: свидетельство о регистрации № П-2348 от 09.02.2000.

Учредитель: МРО ЕХ «Христианский центр «МИРТ», 191040, С.-Петербург, ул. Пушкинская, 10, офис 59Н.

Адрес редакции: 191040, Россия, С.-Петербург, ул. Пушкинская, 10, офис 59Н. Главный редактор: Р. Л. Носач.

Редколлегия: А. Лычаков, М. Неволин, В. Степанов. Дизайн: Zuzana Cicelova.

Редакция не всегда разделяет мнение авторов, оставляет за собой право редакторской правки. Редакция имеет желание, но не имеет возможности вступать в переписку со всеми своими читателями. При переписке ссылка обязательна. Газета печатается на добровольные пожертвования и распространяется бесплатно.

Отпечатано в типографии ООО «Типографский комплекс «Девиз»». 199178, Санкт-Петербург, 17 линия, д. 60, лит. А, пом. 4Н. Заказ № ТД– 1841. Тираж 10.000 экз. Подписано в печать по графику 9.04.2015 в 23:00, фактически 9.04.2015 в 23:00. Дата выхода в свет 11.04.2015 г.